

ЛЮБОВЬ ЭТО НЕ СЛАБОСТЬ

ПРИЗРАК

ЭЛИТНЫЙ ОТРЯД

18+

Александра Васильева

Призрак

<https://litres.ru/74187342>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Меня зовут Фор. И, если быть до конца честным, меня не существует. Операция против Хазла — главы самой опасной группировки — казалась безупречной, но обернулась смертельной ловушкой. Кто я в этой жестокой игре, где союзники готовы вонзить нож в спину, а в моем собственном отряде затаился предатель?

Единственное, что держит меня на краю пропасти и заставляет бороться — любовь к той, ради которой я готов пойти на всё. Но в мире «Призраков» чувства — это самая уязвимая мишень. Когда враг пытается использовать её против меня, обратного пути нет. Чтобы защитить ту, которая дороже жизни, мне придется принять этот финальный бой».

Содержание

Начало.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Александра Васильева

Призрак

Начало.

Пролог.

«Тьма. Тяжёлое, хриплое дыхание и приглушённые голоса над головой. Они хотят моей смерти, это очевидно, но почему-то медлят. Они ждут его...

Дверь со скрипом распаивается. Заходит он. Этот голос я узнаю из тысячи — Хазл. Глава самой опасной террористической группировки и мой главный враг. Он наклоняется и что-то говорит мне, но в ушах стоит гул, а сознание утекает сквозь пальцы. Я слишком устал, чтобы разобрать слова.

И тут он произносит её имя:

Ребекка. Холодный пот прошибает кожу. Как? Откуда он знает её?!

И в эту секунду меня пронзает страшная, ледяная мысль: в моем отряде есть предатель.

Призрак. Глава 1. Вечеринка.

За месяц до этого...

Меня зовут Фор. И, если быть до конца честным, меня не существует.

У меня есть родители — отец и мать, которые смотрят на

меня с гордостью, лишенной тепла. Есть имя, которое звучит в официальных отчетах. Но я с самого детства знал простую истину: я не обычный парень. Я никогда не рос, как другие дети. Пока мои сверстники разбивали коленки, играя в догонялки во дворе, и мечтали стать космонавтами или пожарными, я проводил дни в Школе Призраков.

Мои родители были директорами этого жуткого места. Официально Школа числилась приютом для детей-сирот, но на деле туда отбирали особенных детей по каким-то своим, ведомым только высшему руководству жестким критериям. Из нас методично, день за днем, ковали идеальное оружие.

Многие дети попросту боялись со мной дружить. Стоило мне сделать шаг в их сторону, как весёлый гомон затихал, а мальчишки и девчонки испуганно косились на меня, подсознательно пятясь назад. И, если быть до конца честным, на то имелись веские причины. Я всегда был другим. Чужим. Но были отважные ребята, которые не видели во мне монстра, сейчас мы семья, мы команда призраков. Всё свое детство я провёл с ними бок о бок. Мы вместе учились выживать, проливали литры пота и крови на полигонах, делили один паёк на всех и всегда, в любой ситуации, намертво держались друг за друга. В итоге из нас вышел по-настоящему элитный состав. Наш отряд мог в одиночку уложить целую армию в один миг — вот такие мы сумасшедшие.

Здесь нас учили не только математике или истории. Нас учили искусству невидимости. Как пройти мимо охраны, как

стать тенью в толпе, как принимать решения, от которых зависят жизни сотен людей, оставаясь при этом абсолютно анонимным.

Я был рожден для одной цели — стать героем. Но не тем, чьи портреты висят на стенах и кому аплодируют площади. Я должен был стать героем, которого никто не знает. Героем, которого не существует в учебниках истории, но чьи действия не дают миру рухнуть в бездну.

Мое детство пахло оружейным маслом и холодным металлом. Моими первыми игрушками были не солдатики, а запчасти от рации и тренировочные ножи.

— Запомни, Фор, — глухо, но отчетливо говорил отец, чеканя каждое слово.

Я до сих пор помню, как его тяжелая ладонь опустилась мне на плечо, когда я в десятилетнем возрасте впервые оказался на огромном учебном полигоне. Вокруг пахло бетонной пылью и пороховой гарью, а прожекторы над головой казались слепящими солнцами. Отец не смотрел на меня — его взгляд был устремлен куда-то вдаль, мимо мишеней, в только ему ведомую пустоту. В его голосе не было родительской мягкости, только сухой, стальной приказ.

— Твой успех измеряется не количеством похвал, наград или громких аплодисментов, — продолжал он, и этот тон намертво врезался в мою память. — Он измеряется количеством спасенных жизней, о которых никто и никогда в этом мире даже не догадается. Наша работа — это абсолютная ти-

шина. Запомни: если о тебе узнали, если твое имя всплыло наружу — ты проиграл.

Я стоял перед ним, маленький, растерянный, в слишком просторной тренировочной форме, и послушно кивал, впитывая каждое оброненное им слово, словно непреложную истину. У меня не было причин сомневаться в его правоте. В то далекое время я искренне, всей своей детской душой верил, что это и есть высшая форма человеческого существования. Стереть себя. Раствориться в темноте. Быть абсолютным никем для этого мира, чтобы стать невидимым щитом для всех.

Хватит о детстве, вернёмся к настоящему.

И вот громкая музыка била по ушам, заставляя вибрировать стекла в VIP-ложе. Я никогда не любил многолюдные вечеринки и чувствовал себя здесь чужаком. Но сегодня был важный день для моего друга Виктора — а в прошлом и бывшего наставника, который когда-то многому меня научил, стал довольно известным продюсером и жил на полную катушку: делал что хотел и когда хотел.

Я всегда знал, что мой путь не будет гладким. С того самого дня, как отец, когда мне было 11, отдал меня в руки Виктора, я понял: этот человек не просто учит меня драться — он выковывает из меня оружие.

— Ты слишком медленный, Фор! — его голос, хриплый от многолетнего курения, эхом разлетался под железными сводами крыши. — Если ты будешь думать дольше секунды,

ты уже труп. В поле нет времени на раздумья.

— Ты всегда думаешь, — он резко ткнул меня пальцем в грудь. — Ты позволяешь своей голове работать раньше инстинктов. Если ты хочешь выжить, когда тебя выбросят в самую глубокую яму, ты должен стать рефлексом. Ты должен стать инструментом, у которого нет имени, нет страха и, черт возьми, нет привязанностей.

Виктор был один из моих учителей, и моим самым суровым критиком. Мы тренировались до изнеможения. Он заставлял меня разбирать и собирать винтовку в полной темноте, пока пальцы не начинали кровоточить. Мы неделями жили в лесах, питаюсь тем, что могли поймать, и обучаясь чувствовать приближение опасности задолго до того, как враг выйдет на дистанцию выстрела. Я учился скрытности.

— Смотри на него, — он указывал на воображаемого противника. — Он не человек. Это задача. Твоя цель — решить её максимально эффективно. Никаких эмоций, Фор. Эмоции — это лишний вес.

Я ненавидел его методы, ненавидел эту бесконечную дисциплину, но я видел, как это работает. Виктор научил меня читать людей: по тому, как они дышат, как переминаются с ноги на ногу, как прячут глаза. Он научил меня, что даже самый сильный противник имеет «брешь» в своей психике. И именно в эту брешь нужно бить.

Но самым сложным уроком было его настойчивое: «Никогда не привязывайся».

— Если ты кого-то полюбишь, Фор, ты станешь предсказуемым, — говорил он, глядя на меня холодными, выцветшими глазами. — Ты начнешь защищать, вместо того чтобы атаковать. Ты станешь инструментом в руках того, кто поймет, что ты готов умереть за кого-то другого.

Тогда я кивал, думая, что он прав. Я верил, что могу стать этой «машиной», идеальным призраком, у которого нет ничего, кроме цели. И я стал таким.

Глядя на его искреннюю улыбку в полумраке клуба, я поймал себя на мысли, о которой раньше и думать не смел. Кем бы я был, если бы тоже ушёл? Если бы перестал быть «Призраком»? Где вообще мое бы было место?

Но я быстро отогнал эти мысли. Пока рано об этом думать. Этот мир в опасности, и только мы с призраками можем остановить это.

«Хотя бы сегодня, — приказал я сам себе, проталкиваясь к бару, — сегодня я не хочу думать ни о чем. Только веселиться и пить».

И тут я бросил взгляд на одиноко сидящую девушку.

Эта встреча стала точкой невозврата. До этого момента моя жизнь была линейной: задание — исполнение — тишина. Но в тот вечер всё пошло не по плану.

Я узнал её. Я не особо интересовался светской жизнью, но видел пару фильмов с её участием, и её актерская игра мне запомнилась. Но сейчас... сейчас я смотрел не на красивую обложку. А на человека которому нужна помощь на ней

было ослепительное платье и безупречная, сияющая улыбка, которой верили все вокруг. Все, кроме меня. Под этой фальшивой маской я отчетливо считал её истинное состояние. Ей было плохо. Жутко, невыносимо тяжело, словно она задыхалась в этой толпе.

Я родился другим. Редкая, измененная группа крови, которой нет ни в одном медицинском справочнике, сделала меня тем, кто я есть. Я двигаюсь быстрее, я выносливее любого обычного человека, а мои раны затягиваются за считанные дни там, где другим нужны месяцы. Даже в абсолютной темноте мои глаза способны видеть так же четко, как днем, отливая едва заметным мистическим синим светом.

Я сделал шаг в её сторону. Мой мозг, натренированный видеть угрозы, теперь фиксировал только её одиночество. Я не знал, что сказать. «Призрак» не умеет вести светские беседы. Но я знал, что если сейчас я пройду мимо, я предам самого себя.

— Эта улыбка тебе не идет, — пробормотал я, подходя к её столику, когда она подняла на меня глаза, полные холодного удивления.

Она даже не успела испугаться, она просто смотрела на меня, словно я был единственным человеком в этом зале, который видит не ее статус, а её саму. И именно в этот момент, в полумраке бара, пахнущего дорогими духами и фальшью, я понял: моя жизнь, в которой «меня не существует», только что закончилась.

Я бесшумно сел на соседний барный стул, намеренно оставив между нами небольшую дистанцию, чтобы не нарушать её личные границы. Сначала я просто молчал, давая ей время привыкнуть к моему присутствию. Я медленно скользнул внимательным взглядом по её неестественно прямым, напряженным плечам, которые выдавали сильную усталость и внутреннюю готовность в любой момент защищаться. Ей было паршиво, это читалось в каждом движении.

Подождав секунду, я мягко пододвинул по полированной поверхности барной стойки ближе к ней тяжелый стакан с прохладной, чистой водой, на стенках которого тут же выступили мелкие капли конденсата. Я сделал это намеренно: алкоголя с неё на сегодня точно хватило, и продолжать этот вечер в том же духе было бы плохой идеей.

Она даже не вздрогнула от стука стекла.

— Я не принимаю напитки от незнакомцев, — не поворачивая головы в мою сторону и продолжая смотреть куда-то в одну точку перед собой, тихо, но пугающе отрешенно произнесла она.

В её голосе не было злости или кокетства — только вымощанная пустота человека, который хочет, чтобы его просто оставили в покое. Она явно ждала, что после этих слов я, как и все остальные до меня, просто развернусь и уйду.

Но я никуда не торопился.

— Что ж, я Фор, — максимально спокойно и ровно ответил я, слегка наклонив голову и поймав её боковое зрение.

Это простое признание повисло в воздухе между нами, сработав именно так, как нужно. Мой голос заставил её вздрогнуть и наконец-то обернуться ко мне, чтобы по-настоящему, внимательно посмотреть мне прямо в лицо.

Я слегка улыбнулся одними уголками губ и добавил:
— Теперь я не такой уж и незнакомец.

Она удивленно моргнула, разглядывая меня. Мой прямой взгляд без фанатизма и лести явно выбил её из колеи. На её губах снова попыталась появиться улыбка.

— Ребекка, — представилась она в ответ.

— Я знаю. Видел пару твоих фильмов. Но сейчас я смотрю на тебя и хочу спросить: что с тобой происходит?

Она слегка откинула голову назад и фальшиво рассмеялась, хотя моя способность отчетливо улавливала, как внутри неё всё сжимается от глухой боли.

— О чем ты? Со мной всё просто отлично! Прекрасный вечер, отличная музыка...

— Перестань, — мягко, но твердо перебил я её. — Твои глаза говорят об обратном. Тебе плохо здесь. Тебя буквально душит эта толпа. Зачем ты заставляешь себя улыбаться, когда внутри всё горит?

Её взгляд, секунду назад еще холодный и отстраненный, вдруг дрогнул. Ребекка осеклась, и в этот момент весь её гламурный лоск — безупречный макияж, дорогая помада, идеальная укладка — показался мне дешевой театральной декорацией, которая начала осыпаться под давлением реаль-

ности. Фальшивая маска сползла, обнажив беззащитность и такую глубокую, выстраданную усталость, что у меня перехватило дыхание.

Она смотрела на меня так, будто я был не случайным посетителем бара, а человеком, держащим в руках ключ от её клетки. Слово за слово, шепотом, скрытым за грохотом ба-сов, она начала говорить.

Она не жаловалась — она изливалась. Рассказывала о бесконечных репетициях, о людях, которые видят в ней лишь «товар», о бесконечном давлении, которое заставляло её чувствовать себя марионеткой на невидимых нитях. С каждым её словом слой за слоем слетал глянец, обнажая живую, дрожащую душу, которая уже почти забыла, как это — не играть роль. Я внимательно слушал, не перебивая, впитывая её голос — тихий, подрагивающий, честный.

Когда она закончила, в зале на секунду повисла вакуумная тишина. Она смотрела на свои руки, сжимающие холодный бокал, словно видела их впервые.

Я чуть подался вперед, сокращая дистанцию до минимума. Мои инстинкты, натренированные Виктором, кричали, что это ловушка, что я нарушаю все правила «Школы Призраков». Но я подавил этот голос.

— Ты действительно хочешь сейчас быть здесь? — мой голос прозвучал низко, почти вкрадчиво, прорезая шум толпы. — Среди этих людей, которые знают только то, как ты выглядишь на обложке?

Она подняла на меня глаза — огромные, влажные, полные немого вопроса.

— У меня нет выбора, — едва слышно ответила она.

Я горько усмехнулся.

— Выбор есть всегда. Просто иногда он требует немного наглости.

Я встал и протянул ей руку. Моя ладонь была грубой, с мозолями от тренировочного оружия — полная противоположность её мягкой коже.

— Мы можем просто сбежать отсюда, — предложил я, и в тот момент это казалось самой важной миссией в моей жизни. — Прямо сейчас. Через черный ход, подальше от вспышек камер, от этого шума, от всех, кто требует от тебя того, чем ты не являешься. Ты просто хочешь дышать? Так давай просто дышать.

Она колебалась лишь мгновение. Её пальцы вложились в мою ладонь — дрожащие, но решительные.

— А куда мы пойдем? — спросила она, вставая.

— Туда, где никто не знает, кто такая Ребекка, — ответил я, уже направляясь к выходу, чувствуя, как внутри меня рождается что-то совершенно новое. — Где есть только ты. И, возможно, я.

Мы начали пробираться сквозь толпу, и в этот момент я перестал быть «Призраком». Я стал тем, кто впервые решился взять ответственность не за судьбу мира, а за судьбу одного конкретного человека. Я чувствовал, как её рука,

маленькая и холодная, судорожно сжимает мою ладонь. Она не оглядывалась, не искала глазами охрану или менеджера. Для неё это был не просто выход из здания, это был побег из тюрьмы, стены которой были построены из ожиданий миллионов людей.

Мы выскользнули через служебный выход, где в лицо ударил ночной воздух, пропитанный дождем и выхлопными газами города. Оказавшись в узком переулке, Ребекка вдруг остановилась и сорвала с ног неудобные туфли на шпильках. Она рассмеялась — это был странный, немного нервный звук, но в нём не было ни капли фальши.

— Ты безумец, — выдохнула она, глядя на меня босыми ногами на грязном асфальте.

— Возможно, — ответил я, снимая пиджак и накидывая ей на плечи. — Но ты хотела дышать, верно?

Оставшуюся часть ночи мы провели в вечном движении. Мы не искали дорогих мест. Мы бродили по спящему городу. Мы зашли в круглосуточный магазин, где она, все еще в остатках вечернего макияжа и моем пиджаке, с детским восторгом выбирала самые дешевые сладости. Мы сидели на бетонном парапете набережной, болтая ногами над темной водой, и она рассказывала мне истории из детства — о том, как мечтала стать ветеринаром, а не куклой в руках продюсеров.

Я не был «Призраком». Я был слушателем. Я ловил каждое её слово, наблюдая, как под влиянием ночного воздуха и свободы спадает напряжение с её плеч. Мы смеялись над

нелепыми прохожими, делились секретами, которые она боялась доверить даже собственному отражению. В ту ночь я понял: у неё нет друзей, только свита. И впервые за долгие годы я понял, что и у меня не было никогда такого человека, который сейчас греет озябшие руки о стаканчик кофе из автомата.

Яркий солнечный луч пробился сквозь занавеску, заставив Ребекку зажмуриться. Она сладко потянулась в своей постели и прислушалась. Из кухни доносился тихий стук посуды и умопомрачительный запах поджаренного тоста и свежего кофе.

Все события прошлой ночи — побег из душного клуба, наш долгий разговор и то, как страстно она чувствовала себя в моих объятиях, — лавиной накрыли её память. Она улыбнулась.

Накинув на плечи мою рубашку, Ребекка тихо прошлёпала на кухню. Я стоял у плиты. В одних трусах, я выглядел подомашнему, но всё равно неумолимо опасно. На моем теле отчетливо видны шрамы — следы от ранений, которые на обычном человеке заживало бы месяцами.

— Доброе утро, — Ребекка опёрлась о дверной косяк, — Не знала, что суровые парни со стаканом виски умеют готовить завтрак.

я обернулся, мои глаза на секунду блеснули в утреннем свете, но он тут же мягко улыбнулся и поставил перед ней тарелку.

— Приходится уметь всё. Садись, остынет.

Ребекка забралась на стул с ногами, обхватив ладонями горячую чашку с кофе. Ей не терпелось узнать обо мне всё. Вчера она вывернула передо мной душу, теперь была моя очередь.

— Знаешь, Фор... — она внимательно посмотрела на меня поверх края чашки. — Мы проболтали всю ночь, а потом у нас был горячий секс, но я поймала себя на мысли, что ничего о тебе не знаю. Кто ты такой на самом деле? Кем ты работаешь? Твои шрамы они действительно пугают. Виктор сказал, что ты занимаешься «серьезными делами», но это звучит как шифр.

Я мгновенно подобрался. На моем лице на долю секунды промелькнула тень — та самая маска холодного «Призрака», которую я успешно носил годами. Рассказать ей, что я генетически измененный боец секретного отряда, который устраняет террористов? Сказать, что моей жизни каждую секунду угрожает опасность? Исключено.

— Никакого шифра, — я невозмутимо отпил кофе, увиливая от ответа. — Обычная госслужба. Аналитика, контракты, много бумажной работы и командировок. Скука смертная, поверь. Тебе, как актрисе, это точно покажется неинтересным. Лучше расскажи, какие у тебя планы на сегодняшние съемки?

Ребекка прищурилась. Она была актрисой и фальшь чувала за версту. Этот парень явно что-то скрывал, и его нежелание

открываться только подогрело её интерес.

Да, такой дом на госслужбе иметь, хм.

Наш разговор прервал резкий звук. Завибрировал мой телефон. Я мгновенно изменился в лице. Ребекка заметила это и замолчала, провожая меня удивлённым взглядом, пока я быстро отходил к окну.

— На связи, — глухо бросил я в трубку.

— Фор, срочный сбор «Призраков». Код красный, — раздался в динамике тяжёлый голос. — Обнаружена предполагаемая база Хазла, нужно проверить её. Работать нужно тихо и бесшумно, желательно, чтобы вас не обнаружили, иначе придётся всех пустить в расход.

— Твою мать! — не сдержавшись, рыкнул я, сжимая телефон. Мой голос сорвался на яростный шёпот. — Вылетаю. Буду на точке через двадцать минут.

Я нажал отбой. Руки слегка подрагивали от адреналина. А ведь ещё минуту назад я всерьёз думал о том, чтобы отменить все дела и провести этот день с Ребеккой. Забыть про пули, кровь и Хазла. Но реальность быстро вернула меня на землю.

Я обернулся. Ребекка стояла посреди кухни. Она слышала весь разговор.

— Кто такие «Призраки», Фор? — её голос прозвучал тихо, но пугающе твёрдо.

В глазах актрисы больше не было игры. — Что всё это значит? «Сбор Призраков», работать нужно тихо либо всех

убить. Кто ты? Какая, к черту, бумажная аналитика на госслужбе?

О боже, ты киллер.

Дай мне всё обдумать, ладно? Мне нужно поговорить с ребятами. Это слишком сложно, это не только моё решение.

Я подошел ближе, пытаюсь взять её за руку, но она резко зыркнула на меня и отступила на шаг назад.

— Нет, Фор. Послушай меня внимательно, — в её голосе зазвенели слезы, смешанные с гордостью. — Вчера я открыла тебе душу. Ночью я доверилась тебе полностью. Я не стану куклой, которую трахают, а потом бросают на кухне, уходя на какую-то тайную войну. Пока ты всё мне не объяснишь — между нами всё кончено. Я не могу быть с ходячей загадкой.

Я посмотрел на часы. Время безжалостно уходило, выбора не было.

— Ребекка, — я заглянул в её сияющие от подступающих слез глаза, и моя измененная кровь запульсировала в венах от тяжелых эмоций. — Я не могу рассказать сейчас. Мои люди ждут меня. Но я даю тебе слово: как только я вернусь с этого задания, я расскажу тебе всё. Чистую правду.

И тогда ты сама решишь, останешься ли ты со мной и сможешь ли принять то, кто я такой на самом деле. Обещаю.

Она молча смотрела на меня, поджав губы. Напряжение нарастало, пока я в спешке собирался.

В самый последний момент, когда я уже готов был развернуться, её голос остановил меня.

— Хорошо, я буду ждать тебя, Фор, — тихо, но удивительно твердо произнесла Ребекка.

Её слова прозвучали как спасательный круг. Я на секунду замер, благодарно посмотрел на неё и искренне ответил:

— Спасибо, Ребекка. Это действительно очень важно для меня.

Глава 2. Кто я?

Операция была предельно четкой, но безнадежной с самого начала. Мы прибыли в месте назначения, где, по данным разведки, должна была находиться перевалочная база Хазла. Четыре часа мы ползали по грязным коллекторам, пробираясь сквозь сети лазерных датчиков и охрану, которая стреляла на поражение. Мы взломали главный сервер, надеясь найти координаты. Это не была база Хазла. Это была пустышка, тщательно спланированный ложный след, который завел нас в тупик, потратив драгоценные ресурсы. Я стоял посреди пустого бетонного ангара, сжимая в руке бесполезный накопитель, и чувствовал, как внутри меня клокочет ярость. Я по-прежнему понятия не имел, где скрывается этот ублюдок, что он задумал и как остановить его, прежде чем он нанесет следующий удар. Это была моя ошибка — я допустил, чтобы меня провели.

Пока мы возвращались, я разговаривал с призраками, сказав, что провёл замечательную ночь.

Ну, Фор, ты даешь, — начала Джесси, скрестив руки на груди. — Мы тут всю ночь сканировали периметр, а ты, ока-

зывается, гулял с актрисой. Это что-то новенькое. Такая известная личность, Как она вообще на тебя клюнула? Ты же обычно даже в магазине лишнего слова не скажешь, чтобы не оставить зацепок.

Дэн, Ричи и Джейк, до этого молча проверявшие свои винтовки, вмиг оживились.

— Да-да, нам тоже чертовски интересно! — подхватил Ричи, не сдерживая улыбки. — Какой прием ты использовал? Что ты ей наговорил, что она пошла за тобой? Я увидел, ей было грустно, но никто этого не замечал. Ну и просто поговорил с ней.

Я сидел, глядя в пол, и чувствовал, как внутри нарастает спокойствие. Их вопросы, обычно привычные и безобидные, были шутливыми. Но прежде чем я успел ответить, Томас, наш бессменный стратег, который всегда смотрел на вещи с точки зрения рисков, подался вперед. Его взгляд стал серьезным, лишенным всякой иронии.

— Хватит подкалывать его, — отрезал Томас, и в вертолете воцарилась тишина. Он посмотрел мне прямо в глаза. — Вопрос в другом. Фор, ты собираешься ей рассказать? О нас? О том, что на самом деле скрывается за твоей работой?

Я вздохнул, понимая, что отпираться больше нет смысла.

— Она уже знает, что я занимаюсь чем-то опасным, — признался я, глядя на своих товарищей. — Она слышала разговор по телефону. Она видела мои шрамы, видела, как я реагирую на каждый шорох в доме. Она знает, что я не тот,

за кого себя выдаю, и она требует правды.

Я сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Если я не расскажу ей всё прямо, я потеряю её. А я не хочу этого. Она — единственное, что сейчас держит меня в реальности, когда вокруг всё летит к чертям. Я хочу познакомить вас с ней. Если вы не против, я хочу, чтобы она поняла: я не один, и у меня есть те, кто прикроет мне спину, даже если моя жизнь — это постоянная война.

Команда переглянулась. Джесси первой нарушила молчание, пожав плечами.

— Ты никогда не просил о подобном, Фор. Это явно не просто интрижка.

Дэн и остальные кивнули.

— Если ты готов, — сказал Томас, положив мне руку на плечо, — и если это действительно важно для тебя, мы согласны. Но помни: если она узнает всё... Ты уверен, что она готова к такому «знакомству»?

. Мы доверяли друг другу, а моя интуиция редко подводила.

Когда вертолет коснулся площадки, меня ждали не только «Призраки», но и те, кто стоял у истоков самой школы. Мои отец и мать. Они не просто руководили структурой — они были её глазами и разумом. В их кабинете, где окна были заклеены светоотражающей пленкой, а воздух всегда казался стерильно холодным, мне предстояло сделать то, что казалось невозможным: признаться в человечности.

Я стоял перед их массивным столом, чувствуя себя мальчишкой, который впервые совершил ошибку, хотя внутри я был тем самым идеальным оружием, которое они создали.

— Я встретил девушку, — начал я. Мой голос звучал твердо, но внутри я ощущал непривычный трепет. — Её зовут Ребекка. И я... я впервые в жизни не хочу быть просто «Призраком». Мне сейчас очень тяжело на душе, и я хочу просто быть человеком.

Отец не поднял глаз от бумаг, мать лишь чуть заметно нахмурилась. Я ожидал гневной тирады, ожидал, что меня назовут «скомпрометированным активом». Но они молчали. Они знали, что я никогда не терял контроля, и если я пришел с этим сейчас, значит, ситуация достигла критической точки.

— Она ждет от меня правды, — продолжал я, глядя им прямо в глаза. — Если я буду молчать, я потеряю её. А если я потеряю её, я не уверен, что смогу быть тем инструментом, который вам нужен. Я прошу позволения выйти из тени — только для неё.

Отец медленно отложил планшет и наконец посмотрел на меня. В его глазах читалась не ярость, а холодный аналитический расчет.

— Любовь — это слабость, Фор, — тихо сказала отец. — Она искажает восприятие. Ты уверен, что она того стоит? Ладно, если бы она была призраком.

Отец, я не уверен, что я влюблен. Это мои первые отно-

шения, и я пока не понимаю своих чувств, но и терять ее не хочу.

— Я уверен, что она не связана с Хазлом, — ответил я, опережая их вопросы. — Если вы сомневаетесь, проверяйте. Я не прошу слепой веры.

Сынок, чувствуй свою интуицию: хочешь ли ты втягивать её в свою жизнь? Подумай хорошо, — сказала мама.

Хорошо, но я уже знал, что буду делать.

Пока я ехал обратно к дому, где меня ждала Ребекка, в недрах штаба «Призраков» развернулась настоящая охота. Мои родители подняли всё: каждый её контракт за последние десять лет, каждый банковский перевод, каждого человека из её окружения. Они вскрыли цифровые следы её переписок, проанализировали её биометрию на предмет связи с нашими противниками. Это была тотальная проверка, которой позавидовала бы любая разведка мира.

Они искали хоть одну зацепку, хоть одно случайное пересечение с Хазлом. Если бы она была хоть на долю процента причастна к нему, мне бы пришлось самому её устранить — это было правило. Но часы шли, а отчеты на планшете сменялись один за другим, подтверждая одно и то же: Угроза не обнаружена.

Она была чиста. Её жизнь — это бесконечные съемки, одинокие вечера и попытки сбежать от давления славы. Она не была шпионом, она не была приманкой. Она была просто... собой.

Это и пугало моих родителей: она знаменитость, а я человек, который не должен себя светить.

Когда я получил финальное уведомление с пометкой «Допуск разрешен», я почувствовал, как с плеч упала гора, которую я носил годами. Родители доверились мне. Они дали добро не из жалости, а из профессионального уважения к моему выбору.

Но я понимал: это разрешение — не подарок. Это испытание. Если я расскажу ей правду, я стану уязвим. И если Ребекка не справится с этим знанием, под удар попаду не только я, но и вся структура «Призраков».

Я припарковал машину в паре кварталов от дома. В окне горел свет. Она ждала. Я глубоко вдохнул, проверяя, на месте ли пистолет за поясом, и вдруг понял: оружие мне больше не поможет. Сейчас мне понадобится гораздо большее — честность.

Ребекка открыла дверь своего пентхауса почти мгновенно, словно всё это время караулила у порога. На ней были простые джинсы и футболка. Она молча отступила, пропуская меня внутрь.

Я сел напротив неё, чувствуя, как под прицелом её выжидающего взгляда рушится моя привычная скрытность. Она ждала правды.

Я чувствую себя так, будто иду на допрос, а не к любимой женщине. Ребекка сидела на диване, обхватив колени руками. Когда она подняла на меня глаза, я увидел в них ожида-

ние — не страха, а мучительной неизвестности.

Я не стал снимать куртку, не стал тянуть время. Я прошел на кухню, налил нам обоим кофе — мои руки, привыкшие к отдаче оружия, слегка дрожали, когда я брал чашку.

— Ты хотела правды, — сказал я, опускаясь напротив неё. — Но ты должна понимать: как только эти слова сорвутся с моих губ, ты уже не сможешь сделать вид, что их не слышала. Пути назад не будет.

Она кивнула, сжав губы. В комнате стало так тихо, что я слышал, как тикают часы на стене — звук, который раньше казался мне фоновым, теперь отсчитывал секунды до конца моей старой жизни.

— Это не просто работа, Ребекка, — начал я, чувствуя, как внутри всё напряглось. — Это вся моя жизнь. С самого детства.

Я сделал глоток чая, пытаясь унять пересохшее горло.

— Далеко в горах, в месте, которого нет на картах, существует засекреченная школа «Призраков». Её основали правители крупнейших стран, чтобы воспитать идеальных защитников этого мира. Туда отбирают детей, чье прошлое стерто, по самым жестким критериям. Мои родители... — я запнулся, подбирая слова, — они руководят этой школой.

Я поднял на неё взгляд. Она слушала, не шевелясь, словно боялась, что если вдохнет слишком громко, я замолчу.

— В прошлом они были первоклассными шпионами, людьми, которые были вхожи в кабинеты глав государств. Им

доверили не просто образование, а создание структуры для борьбы с мировым террором. Они вырастили меня и весь наш отряд. Меня учили выживать, лгать, сражаться и убивать с тех пор, как я научился держать в руках ложку.

Я замолчал, ожидая реакции. На её лице сменялись эмоции — от недоверия до осознания того, насколько всё серьёзно.

— Я не «странный парень», Ребекка. Я — Призрак. У меня нет прошлого, нет личных привязанностей, нет прав на обычную жизнь. По крайней мере, так было до того вечера в клубе.

Я поставил чашку на стол. Керамика звякнула о дерево, звук показался мне похожим на выстрел.

— Хазл, за которым я охочусь — это не просто террорист из новостей. Это настоящий монстр, который хочет разрушить все.

Она молчала долго. Так долго, что я начал думать, что она сейчас просто встанет и уйдет, оставив меня наедине с этой правдой. Но она лишь медленно протянула руку через стол и накрыла мою ладонь своей. Её пальцы были теплыми.

Воздух в комнате стал густым, почти осязаемым. Ребекка не отнимала руку, но её пальцы слегка сжались на моей ладони, словно она пыталась удержаться за этот мир, который сейчас стремительно менял для неё свои правила. Я видел, как она пытается переварить услышанное — шпионаж, секретные школы, тайные войны. Но я еще не закончил. Мне

нужно было, чтобы она знала всё, до последней детали.

Я перевел дыхание и решился открыть самую главную карту, ту, что всегда держал под грифом «совершенно секретно».

— И критерий, по которому меня выбрали главным «Призраком» — это не просто выучка, Ребекка. Это моя кровь.

Я замолчал, подбирая слова, которые могли показаться бредом, если бы они не были моей реальностью.

— Я родился другим. Моя группа крови... она не человеческая в привычном понимании. Когда моя мать была беременна мной, она смертельно заболела. Чтобы спасти её и меня, ученые лаборатории применили экспериментальную сыворотку. Мама вылечилась, но препарат, попав в мою кровь еще до рождения, изменил саму структуру моего организма. Такого препарата больше не существует, я единственный такой человек. Ученый, который его создал, забрал все тайны с собой в могилу.

Я поднял руку и провел ладонью по столу, чувствуя, как мои мышцы подчиняются мне с идеальной, пугающей точностью.

— Я двигаюсь быстрее любого человека, которого ты когда-либо встречала. Мои рефлексy — это не результат тренировок, это биологическая данность. Я почти не устаю, а любые раны, которые уложили бы любого другого на операционный стол, затягиваются за считанное время.

Ребекка смотрела на меня, затаив дыхание. Я видел, как

её зрачки расширяются, но в них не было ужаса — только шок и какое-то болезненное любопытство.

— У меня есть особое чутье, — продолжал я, понизив голос до шепота. — Я чувствую опасность за мгновение до того, как она материализуется. А в полной темноте... мои глаза. Они светятся ярко-синим светом. Это позволяет мне видеть ночью так же четко, как днем. Это не фокус, это моя физиология.

Я наклонился к ней ближе, вглядываясь в её лицо, пытаюсь увидеть, не отшатнется ли она от меня, как от монстра.

— Но самое главное, Ребекка... это эмпатия. Я умею считывать эмоциональный фон людей, как ты читаешь сценарий. Именно поэтому в том клубе я подошел к тебе. Для всех остальных твоя улыбка была безупречной. Ты была звездой, идеалом, мечтой. Но я... я видел, как ты задыхаешься под грузом этой маски. Я видел твою боль так ясно, будто она была моей собственной. И именно поэтому я не мог просто пройти мимо.

Я замолчал. В квартире снова повисла тишина, нарушаемая лишь отдаленным шумом ночного города за окном. Теперь она знала всё. Знала, что я не человек, а результат научного эксперимента, оружие, созданное в пробирке.

— Теперь ты знаешь, кто я, — закончил я. — Ты знаешь, что за человек сидит перед тобой. Если ты захочешь уйти... я пойму. Но ты не должна будешь произносить мое имя больше нигде и никогда

Ребекка долго молчала. Тишина в кухне стала почти физически тяжелой, звенящей от невысказанных вопросов. Она пристально смотрела на меня, и в её глазах, где еще мгновение назад плескался шок, медленно зарождалось что-то иное — смесь недоверия, попытки осознать услышанное и той глубинной человечности, которая меня в ней и покорила. Она не отпрянула, не назвала меня чудовищем. Она просто пыталась примерить мои слова к реальности.

Наконец, она тихо произнесла лишь одну фразу:
— Покажи свои глаза. В темноте.

Я замер. Это была проверка, которую я не проходил ни перед кем, кроме инструкторов в Школе. Она поднялась, её движения были механическими, а взгляд оставался прикованным ко мне. Она протянула руку и щелкнула выключателем. Кухня мгновенно погрузилась в густую, почти осязаемую тьму, которую не пробивал даже уличный фонарь за окном.

Я прикрыл веки на секунду. Внутри меня сработал внутренний механизм, переключающий восприятие. Я почувствовал, как пульс слегка ускорился, а в глазницах разлилось привычное, холодное тепло. Резко открыв глаза, я позволил этому свету вырваться наружу.

В темноте я увидел её — она стояла, затаив дыхание, её лицо было подсвечено моим собственным, ярко-голубым сиянием. Это был не мягкий свет, а резкое, электрическое свечение, прорезающее мрак.

Ребекка судорожно вдохнула — звук был похож на всхлип — и, не выдержав напряжения, резко щелкнула выключателем обратно. Свет люстры ослепил нас обоих. Я моргнул, возвращая радужкам обычный, человеческий оттенок, и прищурился от ярких ламп.

Какое-то время мы просто стояли, не в силах произнести ни слова. Обычная кухонная обстановка — недопитый кофе, тиканье часов, вид на ночной город — всё это казалось теперь декорацией к фильму, который только что вышел из-под контроля. Она смотрела на меня, и я видел, как она пытается сопоставить того парня, что сделал ей тосты утром, с тем существом, что только что светилось в темноте.

— Мне нужно всё обдумать, — тихо, почти беззвучно произнесла она. — Пару дней.

Это не было отказом. Это была просьба о спасении — ей нужно было время, чтобы собрать себя по частям, которые я только что разбил своим признанием.

Я понимающе кивнул. Я не стал спорить, не стал уверять её в своей безопасности. Любые слова сейчас были бы излишни, как попытка оправдать саму природу. Я поднялся со стула, стараясь двигаться плавно, чтобы не напугать её еще больше, и направился к выходу из дома.

Я ушел, оставляя её наедине с этой новой реальностью. Я обернулся и посмотрел на закрытую дверь. Впервые в жизни я почувствовал не долг, не приказ, не угрозу, а страх. Страх за то, что человек, ради которого я был готов нарушить все

правила Школы, просто не сможет принять того, кем я стал.

Глава 3 призраки.

Эти два дня тянулись для меня как вечность. Я шпионил, отслеживал террористов и бывал в таких переделках, где секунда решает всё, но никогда ещё моё сердце не билось так неровно от простого ожидания. Поверит? Испугается? Вычеркнет меня из жизни? Моя способность считывать чужие эмоции сейчас ничем не могла мне помочь — я был слишком далеко.

Сорок восемь часов, которые я провел, балансируя на грани между профессиональной холодностью и животным страхом потери. Я не спал, не ел — я просто ждал. Когда телефон наконец завибрировал, этот звук показался мне громче, чем взрыв гранаты.

Я ответил не сразу, давая себе секунду, чтобы сбросить налет паранойи.

— Слушаю, — мой голос прозвучал суше, чем я хотел.

— Привет, Фор, — её голос в трубке звучал спокойно, почти отстраненно, но я, натренированный считывать малейшие колебания, уловил в нем ту самую решимость. — Я всё обдумала. Я не убегаю. Я хочу узнать твой мир лучше.

Я закрыл глаза. Внутри что-то, что было заморожено с самого детства, начало оттаивать.

— Хорошо, — сказал я, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Я пришлю тебе координаты. Это место... оно не появится в твоём навигаторе, так что просто вбей данные в приложе-

ние, которое я тебе отправлю. Это безопасно.

Когда она прибыла, небо над пригородом уже затянуло тяжёлыми серыми тучами, предвещающими ливень. Ребекка подъехала на черном bmw к невзрачному повороту, который выглядел как обычный заезд в тупиковый лес. Я ждал её у ворот.

Это был наш секретный дом — штаб-квартира «Призраков», спрятанная за трехметровым забором, который терялся в гуще многолетних елей. Для случайного прохожего это был заброшенный частный участок, для любого, кто рискнул бы подойти ближе без приглашения — это была зона смерти, простреливаемая десятками датчиков.

Ребекка вышла из машины, оглядываясь. На ней было простое пальто, шарф, закрывающий пол-лица, и в её взгляде читалось то же любопытство, с которым смотрят на закрытую дверь, за которой скрывается неизведанное.

— Ты уверена? — спросил я, когда машина скрылось за поворотом, оставив нас в абсолютной тишине пригорода.

Она посмотрела на высокий забор, затем на меня. В этот момент я не был «Призраком» с сияющими глазами, я был человеком, который впервые привел кого-то в свой закрытый, стерильный мир.

— Учитывая, что ты рассказал мне два дня назад... — она едва заметно улыбнулась, — вопрос «уверена ли я» уже не имеет смысла, верно? Веди.

Я приложил ладонь к сканеру, скрытому в коре старой бе-

резы. Ворота, без единого скрипа, начали уходить в землю. За ними открывался вид, который невозможно было ожидать за этим забором: не просто дом, а высокотехнологичный комплекс, идеально вписанный в ландшафт. Она сделала шаг вперед, переступая черту, за которой моя жизнь — и теперь, вероятно, её — навсегда переставала быть обычной.

— Вот сейчас, кажется, я осознаю, насколько всё серьезно, — тихо сказала она, не переводя взгляда с матовых панелей главного корпуса.

— Это всего лишь базовые меры безопасности, — ответил я, постаравшись, чтобы мой голос звучал как можно будничнее.

Я шел рядом, чувствуя, как внутри меня работает каждый нейрон, сканируя пространство на предмет опасности, но сейчас я был сосредоточен только на ней. Она входила в мир, где смерть — это профессия, а верность — единственный закон.

— Добро пожаловать домой, Ребекка, — тихо произнес я. — Или, скорее, добро пожаловать в то, что я называю домом.

В груди словно отпустило тугую пружину. Чтобы она окончательно поняла, в какой мир попала, я должен был показать ей свою вторую семью. Людей, ради которых я был готов отдать жизнь.

Напряжённая, но решительная, она шла за мной держа меня за руку и я повёл за собой внутрь. Едва мы переступили порог просторной гостиной, как навстречу к нам высыпала

вся моя банда.

— Ребекка, знакомься, это моя семья, — улыбнулся я, чувствуя, как с плеч спадает невидимый груз.

Первым к нам широким шагом подошел Ричи. Он был до неприличия худым, почти жилистым, словно состоял из одних нервов и пружин. На его лице, как обычно, играла веселая, открытая улыбка, которая делала его самым безобидным человеком в этой комнате, хотя я знал, что в ближнем бою он быстрее всех кроме меня.

— Ну наконец-то! — Ричи крепко пожал ей руку, едва не подмигнув. — Фор про тебя все уши прожужжал. Добро пожаловать в наше логово, звёздочка. Если этот сухарь будет тебя обижать — сразу говори мне, я быстро вправлю ему мозги.

Следом, словно гора, пришедшая в движение, из массивного кожаного кресла, которое жалобно скрипнуло под его весом, поднялся Дэн. Этот парень был абсолютной, просто поразительной противоположностью суетливому Ричи. Огромный, как двухстворчатый платяной шкаф, настоящий амбал с резким, угловатым лицом, которое, казалось, высекли из цельного куска гранита.

Брутальный, монументально молчаливый, он источал скрытую угрозу и первобытную силу самим своим присутствием в комнате. Воздух вокруг него словно становился гуще. Он не спеша смерил Ребекку тяжелым, оценивающим взглядом профессионального бойца — этот цепкий прищур

сканировал её сверху вниз, безошибочно выискивая малейшие признаки скрытых микрофонов, передатчиков или оружия под одеждой. Под этим взглядом Ребекка невольно затаила дыхание.

Но спустя секунду, когда невидимая проверка была завершена, его суровые, словно застывшие черты лица едва заметно смягчились. Дэн сделал один короткий, но веский кивок головой и протянул руку, которая больше напоминала медвежью лапу:

— Дэн. Приятно познакомиться. Фор — надёжный парень, тебе с ним повезло.

В самом дальнем углу просторного зала, куда почти не проникал мягкий свет ландшафтных ламп, царило другое измерение. Освещенные лишь холодным, неоновым сиянием десятков мониторов, там сидели Томас и Джейк. Наши «призрачные глаза», мастера чистого кода и цифровые архитекторы этого места.

Томас, парень Джесси, был настоящим воплощением абсолютного, почти олимпийского спокойствия. Глядя на него — в его вечном безразмерном худи, с мягким взглядом из-под растрепанной челки — невозможно было поверить, что этот человек способен за пару минут обрушить банковскую систему средней европейской страны или вскрыть защищенные серверы Пентагона. В реальной жизни, за пределами Сети, он оставался удивительно тихим, вежливым и даже немного застенчивым парнем. Его пальцы, казалось, жили

собственной жизнью, с едва слышным шелестом порхая по кастомной механической клавиатуре. Заметив нас, Томас лишь слегка приподнял ладонь в знак приветствия, не отрывая взгляда от бесконечных, бегущих вверх потоков данных:

— Привет, Ребекка, — негромко, но тепло отозвался он, и на его лице промелькнула мимолетная дружелюбная улыбка. — Рад, что ты наконец-то приехала. Устраивайся.

Совсем рядом с ним, буквально растворяясь в густой тени серверных стоек, сидел Джейк. Если Томас был просто скрытным, то Джейк возвел это в абсолют — настоящий человек-невидимка. Было ощущение, что он искренне тяготится своей физической оболочкой и с радостью променял бы общение с живыми людьми на бесконечный диалог со сложнейшими алгоритмами. Лицо Джейка, бледное от вечной ночной работы, оставалось совершенно бесстрастным, а в темных глазах отражались ровные зеленые строчки программного кода. Он коротко, почти незаметно кивнул Ребекке, так и не подняв взгляда от терминала. Наш самый молодой, пугающе гениальный и молчаливый «Призрак». Человек, который в реальном бою мгновенно превращался в безжалостную, расчетливую тень, стирающую врагов из баз данных и отключающую им зрение и слух, а здесь, в обычной жизни, оставался жутко скромным, замкнутым парнем, который, кажется, мечтал стать частью самой системы.

Но стоило парням замолчать, а тишину зала снова нарушил лишь мерный гул охлаждения серверов, как со сторо-

ны кухни, словно внезапный теплый вихрь, вылетела Джесси. Она была абсолютной, ошеломляющей противоположностью всей этой мрачной «призрачной» эстетике, холодным экранам и брутальному металлу. На первый взгляд — само очарование: мягкая, хрупкая, с копной непослушных волос, одетая в огромный, явно на пару размеров больший, уютный вязаный свитер, рукава которого она постоянно забавно подтягивала. Но каждый из нас знал: внутри этой девчонки скрывался титановый стержень, который в критический момент оказывался крепче, чем у меня, Ричи или даже Дэна. Джесси была бьющимся сердцем и душой нашего отряда — той самой нитью, которая связывала нас с реальностью и каждый день напоминала, что мы всё ещё люди, а не просто бездушные машины для выполнения задач.

Джесси мгновенно, едва не сбивая с ног своей энергетикой, подлетела к застывшей от обилия впечатлений Ребекке. Её лицо буквально сияло от неподдельного, детского восторга, а в глазах плясали искры.

— О боже, ты в жизни ещё красивее, чем на экране! Просто невероятно! Привет! Я Джесси! — затараторила она на одном дыхании, обрушивая на гостью лавину искреннего дружелюбия.

Она аккуратно, но уверенно перехватила Ребекку за локоть — бережно, словно та была хрупкой фарфоровой статуэткой, которую нужно немедленно защитить от этого сурового мужского царства, и тут же увлекла за собой.

— Пойдём, скорее пойдём, я налью тебе вина! У нас тут есть потрясающий домашний пирог, я только-только достала его из духовки. Ты, наверное, жутко устала с дороги, пока Фор вез тебя через эти дебри... — Джесси на секунду обернулась и шутливо, но строго пригрозила пальцем в сторону светящегося угла: — Томас! Ну-ка отложи свой ноутбук хотя бы на полчаса, прекрати гипнотизировать свои алгоритмы, мы же гостей принимаем! Прояви гостеприимство, в конце концов!

Томас в ответ лишь тихо хмыкнул, но послушно опустил крышку ноутбука, признавая безоговорочную капитуляцию перед этим ураганом заботы.

Ребекка медленно огляделась по сторонам, переводя взгляд с выключенного монитора Томаса на улыбающуюся Джесси, а затем на Дэна, который уже успел притащить для неё удобный стул. Я физически почувствовал, как спало напряжение в её теле, и её плечи наконец-то расслабились. Она ехала сюда в глубоком страхе, ожидая увидеть хладнокровных, безжалостных убийц, запертых в подземном бункере. А увидела обычных людей, которые, несмотря на весь кошмар, цинизм и тяжесть своей невидимой работы, всё еще умели искренне шутить, искренне заботиться друг о друге и, черт возьми, даже печь домашние пироги.

Она приняла из рук Джесси бокал, сделала небольшой глоток и, покачав головой, тихо, но отчетливо спросила:

— Я просто... я не понимаю. Как вы, ребята, сталкиваясь

каждый день с тем, чем занимаетесь, умудряетесь оставаться такими лучезарными? Откуда в вас это?

Ричи, который до этого крутил в руках какую-то высокотехнологичную деталь, первым нарушил возникшую паузу. Он легко усмехнулся, но взгляд его на секунду стал непривычно серьезным:

— Ну, для нас это, считай, обычная работа. Мы с самого детства, можно сказать, не знаем другой жизни — без вечного адреналина, кодов и опасностей. К этому привыкаешь, как к погоде за окном.

— Ричи прав, — веско добавил Дэн, складывая свои огромные руки на груди. Его низкий бас прозвучал удивительно мягко. — Если постоянно тащить эту темноту в свою голову, долго не протянешь. Так что именно такие тихие вечера, этот пирог, да и мы сами друг для друга — это то, что нас спасает. Без этого мы бы давно превратились в тех, на кого охотимся.

— Ты их не бойся, — шепнул я ей на ухо, когда Джесси увлекла её в сторону кухни. — Они выглядят как хаос, но если начнется заварушка, ты не найдешь никого надежнее.

Она посмотрела на меня, и в её глазах впервые промелькнула улыбка — искренняя, без тени той усталости, которую я видел в клубе.

— Похоже, у тебя действительно странная, но удивительная семья, Фор, — сказала Ребекка.

Ребекка посмотрела на меня, затем на ребят, которые уже

вовсю суетились, и на её губах впервые за эти дни появилась настоящая, тёплая улыбка. Маска суперзвезды окончательно исчезла. Здесь, среди опасных, но таких искренних людей, она впервые за долгое время почувствовала себя в полной безопасности.

Джесси практически силой утащила Ребекку на просторную кухню, откуда пахло потрясающей домашней выпечкой. Мы все двинулись за ними. Дэн по-хозяйски устроился на угловом диване, Томас тут же уткнулся в свой планшет, но не забывал мягко улыбаться, а Ричи принялся активно помогать Джесси расставлять бокалы.

Я сел чуть поодаль, внимательно наблюдая за Ребеккой. Моя способность считывать эмоции работала на полную мощность, но сейчас я чувствовал от неё не страх и не панику, а глубокое, искреннее удивление. Магия гламурного мира, в котором она привыкла жить, здесь не работала — здесь всё было настоящим.

Атмосфера на кухне окончательно перестала напоминать секретный штаб. Пирог, вино и этот странный, но искренний смех превратили суровую мужскую берлогу в место, где впервые за долгое время можно было просто выдохнуть.

— Ну расскажи, Фор правда такой невыносимый зануда, когда пытается ухаживать? — Ричи весело подмигнул Ребекке, ловко наливая ей вино в бокал, при этом не переставая жонглировать кухонным ножом. — На заданиях он из нас все соки выжимает, строит из себя идеального командира,

который видит каждый сантиметр карты. А дома — сухарь сухарем, да?

— Эй, я всё слышу, — отозвался я, невольно улыбаясь, хотя внутри меня разливалось редкое, почти забытое чувство тепла.

Мы ещё так друг друга не знаем хорошо. Вы, ребята, не дали нам пожить спокойно, — улыбаясь, сказала Ребекка.

— И по-моему, он очень милый, — неожиданно тихо произнесла Ребекка. Она посмотрела на меня, и в её взгляде проскользнула та самая нежность, от которой у меня внутри всё переворачивалось. — Он приготовил мне завтрак. И... он сдержал своё слово, всё рассказал.

— О-о-о, ну раз приготовил завтрак, тогда мы его прощаем! — затараторила Джесси, подвигая к ней тарелку с пирогом. Она тепло коснулась руки Ребекки, как бы проверяя, не пугает ли её всё это. — На самом деле, Ребекка, мы так рады за него. Фор никогда никого сюда не приводил. Он с детства привык тащить всё на своих плечах. Школа сделала нас сильными, но Фор... он всегда чувствовал себя в ответе за всех. Если что-то шло не так, он винил только себя. Видеть его сейчас... ну, таким — это как смотреть, как расцветает цветок в бетонных джунглях.

Дэн, до этого молча сидевший в тени, оторвался от своего телефона — на экране мелькали тепловизионные карты периметра — и серьёзно, почти отечески посмотрел на Ребекку. Его голос звучал как рокот далекого грома, спокойный и

подавляющий любые сомнения:

— Мы рискуем жизнями каждый день, это правда. И то, что Фор открыл тебе нашу тайну — это огромный шаг, самый ответственный выбор в его карьере. Он не просто доверил тебе секрет — он доверил тебе свою жизнь. Ты теперь тоже часть этого, хочешь ты того или нет, и мы сделаем всё, чтобы тебя защитить. Если кто то хотя бы посмотрит в твою сторону — он узнает, что такое настоящий гнев «Призраков».

Ребекка всглотнула, чувствуя, как серьёзность его слов на мгновение перекрывает уютную атмосферу кухни. Рядом с этими людьми, несмотря на их смертельно опасную работу, веяло такой первобытной силой и надёжностью., какой она не видела ни в одном коллеге по съёмочной площадке. Здесь не было фальшивых улыбок — здесь была честная преданность.

В этот момент тишину нарушил Джейк. Он, всё ещё застенчиво прячущийся в тени у дверного проема, вдруг тихо кашлянул. Его лицо, обычно сосредоточенное на кодах и взломах, зарделось от смущения. Он подошел ближе, протягивая Ребекке запасную тарелку с горячей едой, словно предлагая мирный договор.

— Тут... ну, ты должна поесть, — буркнул он, тут же опуская глаза и делая шаг назад, пытаясь снова слиться со стеной. Это было настолько контрастно с образом элитного хакера, способного отключить электросеть целого города, что Ре-

бекка не выдержала. Она искренне, звонко рассмеялась — звук был чистым и живым, как глоток свежего воздуха в герметичном бункере.

— Спасибо, Джейк, — мягко сказала она. — Мне кажется, я наконец-то нашла место, где меня не оценивают по количеству подписчиков.

Вечер обещал быть долгим и уютным. Барьеры окончательно рухнули.

Вечер пролетел незаметно. Время за весёлыми историями Ричи и болтовней Джесси тянулось уютно и тепло, и когда стрелка часов перевалила за полночь, ребята начали зевать.

— Так, молодёжь, пора и честь знать, — Дэн поднялся с дивана, потягиваясь всем своим огромным телом. — Завтра с утра тренировка, так что всем спать.

Томас и Джесси начали убирать со стола, а Ричи, хитро прищурившись, посмотрел на меня, а потом на Ребекку.

— Ну что, звёздочка, Фор отвезёт тебя домой или... останешься в нашем гостевом крыле? Ну, или не в гостевом, — хохотнул он, за что тут же получил от меня лёгкий, но многозначительный подзатыльник.

У нас вообще-то нет гостевого крыла, но ты же это и так знаешь, да, Ричи? — сказал я.

Ребекка слегка покраснела, но не смутилась. Она повернулась ко мне, взглянула своими выразительными глазами и тихо, но уверенно сказала:

— Я останусь. Если ты не против.

— Я только за, — ответил я, чувствуя, как внутри разливается глухое торжество.

Я взял Ребекку за руку и увёл её на второй этаж. Моя спальня была святая святых, местом, куда за десять лет существования штаба не заходил никто, кроме меня.

Когда я открыл дверь, Ребекка замерла на пороге.

Комната была воплощением эстетики «Призраков»: минимализм, доведенный до абсолюта, и скрытая мощь технологий. Планировка была выполнена по последнему писку моды — строгие линии, матовые поверхности, скрытое диодное освещение, которое мягко подсвечивало границы мебели.

— Это... впечатляет, — прошептала она, обводя взглядом пространство.

Вы, ребята, неплохо зарабатываете.

Я улыбнулся: «Ну да, такая работа хорошо вознаграждается».

Большая кровать с графитовым покрытием стояла в центре, но всё остальное пространство напоминало декорации из фильма о будущем. По периметру стены были обшиты скрытыми панелями. Стоило мне провести ладонью по одной из них, как часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая глубокий стеллаж. Там, в идеальном порядке, лежало всё то, что составляло мою жизнь: от высокоточных приборов ночного видения и портативных терминалов связи до компактных наборов для взлома.

В углу, за массивным рабочим столом с тремя интегрированными мониторами, скрывались два бронированных сейфа. Один из них — оружейный — был слегка приоткрыт, и холодный металл пистолета, лежавшего на бархатной подложке, тускло поблескивал в свете ламп. Мониторы на столе транслировали текущие данные с камер слежения по всему периметру территории; я мог видеть каждый куст, каждый шаг любого живого существа в радиусе километра.

Ребекка подошла к столу. Она не отпрянула, увидев на экранах сводки тактических карт и графики отслеживания целей. Её пальцы коснулись края столешницы — поверхности, на которой я планировал самые опасные операции своей жизни.

— Ты живешь в командном центре, — заметила она, разглядывая пульт управления, встроенный прямо в прикроватную тумбу. — Это совсем не похоже на ту спальню, которая у тебя дома.

— Здесь я чувствую себя в безопасности, — ответил я, подходя к ней со спины. — Это единственное место, где я могу контролировать всё, что происходит вокруг.

А туда ты приводишь девушек, да?

Не-ет, это не то, что ты думаешь, растерялся я.

Она медленно обернулась. В её глазах, отражающих мерцающие экраны, больше не было того испуга, который я видел два дня назад. Напротив, в них промелькнуло понимание. Она увидела не просто «игрушки шпиона», а мой лич-

ный кокон, созданный, чтобы защищать этот мир от всего, что могло его разрушить.

— Теперь я понимаю, почему ты такой, Фор, — тихо сказала она, коснувшись моей руки. — Это не комната. Это твоя крепость. И то, что ты пустил меня внутрь... это значит больше, чем любые слова.

Она подошла ближе к окну, за которым раскинулся ночной лес, и прильнула к стеклу. Внутри этой комнаты, окруженной высокотехнологичной смертью, она выглядела пугающе хрупкой, но я знал: Именно здесь, в самом сердце моей «крепости», я впервые за всю жизнь не чувствовал себя одиноким. Я подошёл сзади и мягко обнял её за талию, прижимая к себе. Ребекка расслабилась в моих руках, откинув голову мне на плечо.

— Знаешь... — тихо прошептала она. — Твой мир пугающий и опасный. Но твои люди... они потрясающие. Я никогда не видела такой преданности. С ними я чувствую, что ты в безопасности. И сама я впервые за долгое время никуда не спешу.

Я повернул её к себе лицом. В полумраке комнаты мои глаза снова начали едва заметно подсвечиваться синевой, отражая мои сильные эмоции. Я чувствовал её тепло, её любовь и полное доверие. Больше не нужно было ничего скрывать.

В приглушенном свете её лицо казалось почти неземным. Мы смотрели друг на друга — не как шпион и его цель, не

как звезда и её поклонник, а как два человека, которые наконец-то нашли убежище в мире, где всё остальное было враждебным.

Я поцеловал её, и это было не похоже ни на что, что я знал прежде. В этом поцелуе не было выученных движений или тактических приемов. Это был поток — искренний, до боли честный. Она ответила так, словно сама долго ждала этого момента, когда не нужно играть роль, когда можно просто быть собой, открытой и незащищенной.

Мы переместились к кровати, и каждый мой жест был пронизан страхом сделать ей больно, словно она была самым хрупким механизмом в мире. Моя комната, заполненная датчиками и оружием, вдруг стала самой безопасной точкой на планете. Когда наши тела наконец соединились, я почувствовал, как рушатся последние барьеры, которые Школа возводила вокруг меня годами.

Это была близость без слов. В темноте, под мерцание мониторов, мы узнавали друг друга не через разведданные, а через касания — через тепло кожи, через дыхание, через то, как она тянулась ко мне, пытаясь стереть ту грань, что отделяла меня от человеческого мира.

— Я защищу тебя, Ребекка. От всего мира, — пообещал я.

В эту ночь в секретном доме «Призраков» мы заснули вместе. И впервые за долгие годы мне не снились кошмары. Рядом со мной дышала девушка, ради которой я был готов перевернуть эту планету.

Глава 3. Призраки

Эти два дня тянулись для меня как вечность. Я шпионил, выслеживал террористов и бывал в таких переделках, где секунда решает всё, но никогда ещё моё сердце не билось так неровно от простого ожидания. Поверит? Испугается? Вычеркнет меня из жизни? Моя способность считывать чужие эмоции сейчас ничем не могла мне помочь — я был слишком далеко.

Сорок восемь часов, которые я провел, балансируя на грани между профессиональной холодностью и животным страхом потери. Я не спал, не ел — я просто ждал. Когда телефон наконец завибрировал, этот звук показался мне громче, чем взрыв гранаты.

Я ответил не сразу, давая себе секунду, чтобы сбросить налет паранойи.

— Слушаю, — мой голос прозвучал суше, чем я хотел.

— Привет, Фор, — её голос в трубке звучал спокойно, почти отстраненно, но я, натренированный считывать малейшие колебания, уловил в нем ту самую решимость. — Я всё обдумала. Я не убегаю. Я хочу узнать твой мир лучше.

Я закрыл глаза. Внутри что-то, что было заморожено с самого детства, начало оттаивать.

— Хорошо, — сказал я, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Я пришлю тебе координаты. Это место... оно не появится в твоём навигаторе, так что просто вбей данные в приложение, которое я тебе отправлю. Это безопасно.

Когда она прибыла, небо над пригородом уже затянуло тяжелыми серыми тучами, предвещающими ливень. Ребекка подъехала на черном bmw к невзрачному повороту, который выглядел как обычный заезд в тупиковый лес. Я ждал её у ворот.

Это был наш секретный дом — штаб-квартира «Призраков», спрятанная за трехметровым забором, который терялся в гуще многолетних елей. Для случайного прохожего это был заброшенный частный участок, для любого, кто рискнул бы подойти ближе без приглашения — это была зона смерти, простреливаемая десятками датчиков.

Ребекка вышла из машины, оглядываясь. На ней было простое пальто, шарф, закрывающий пол-лица, и в её взгляде читалось то же любопытство, с которым смотрят на закрытую дверь, за которой скрывается неизведанное.

— Ты уверена? — спросил я, когда машина скрылось за поворотом, оставив нас в абсолютной тишине пригорода.

Она посмотрела на высокий забор, затем на меня. В этот момент я не был «Призраком» с сияющими глазами, я был человеком, который впервые привел кого-то в свой закрытый, стерильный мир.

— Учитывая, что ты рассказал мне два дня назад... — она едва заметно улыбнулась, — вопрос «уверена ли я» уже не имеет смысла, верно? Веди.

Я приложил ладонь к сканеру, скрытому в коре старой березы. Ворота, без единого скрипа, начали уходить в землю.

За ними открывался вид, который невозможно было ожидать за этим забором: не просто дом, а высокотехнологичный комплекс, идеально вписанный в ландшафт. Она сделала шаг вперед, переступая черту, за которой моя жизнь — и теперь, вероятно, её — навсегда переставала быть обычной.

— Вот сейчас, кажется, я осознаю, насколько всё серьезно, — тихо сказала она, не переводя взгляда с матовых панелей главного корпуса.

— Это всего лишь базовые меры безопасности, — ответил я, постаравшись, чтобы мой голос звучал как можно будничнее.

Я шел рядом, чувствуя, как внутри меня работает каждый нейрон, сканируя пространство на предмет опасности, но сейчас я был сосредоточен только на ней. Она входила в мир, где смерть — это профессия, а верность — единственный закон.

— Добро пожаловать домой, Ребекка, — тихо произнес я. — Или, скорее, добро пожаловать в то, что я называю домом.

В груди словно отпустило тугую пружину. Чтобы она окончательно поняла, в какой мир попала, я должен был показать ей свою вторую семью. Людей, ради которых я был готов отдать жизнь.

Напряжённая, но решительная, она шла за мной держа меня за руку и я повёл за собой внутрь. Едва мы переступили порог просторной гостиной, как навстречу к нам высыпала вся моя банда.

— Ребекка, знакомься, это моя семья, — улыбнулся я, чувствуя, как с плеч спадает невидимый груз.

Первым к нам широким шагом подошел Ричи. Он был до неприличия худым, почти жилистым, словно состоял из одних нервов и пружин. На его лице, как обычно, играла веселая, открытая улыбка, которая делала его самым безобидным человеком в этой комнате, хотя я знал, что в ближнем бою он быстрее всех кроме меня.

— Ну наконец-то! — Ричи крепко пожал ей руку, едва не подмигнув. — Фор про тебя все уши прожужжал. Добро пожаловать в наше логово, звёздочка. Если этот сухарь будет тебя обижать — сразу говори мне, я быстро вправлю ему мозги.

Следом, словно гора, пришедшая в движение, из массивного кожаного кресла, которое жалобно скрипнуло под его весом, поднялся Дэн. Этот парень был абсолютной, просто поразительной противоположностью суетливому Ричи. Огромный, как двухстворчатый платяной шкаф, настоящий амбал с резким, угловатым лицом, которое, казалось, высекли из цельного куска гранита.

Брутальный, монументально молчаливый, он источал скрытую угрозу и первобытную силу самим своим присутствием в комнате. Воздух вокруг него словно становился гуще. Он не спеша смерил Ребекку тяжелым, оценивающим взглядом профессионального бойца — этот цепкий прищур сканировал её сверху вниз, безошибочно выискивая малей-

шие признаки скрытых микрофонов, передатчиков или оружия под одеждой. Под этим взглядом Ребекка невольно за-
таила дыхание.

Но спустя секунду, когда невидимая проверка была завер-
шена, его суровые, словно застывшие черты лица едва замет-
но смягчились. Дэн сделал один короткий, но веский кивок
головой и протянул руку, которая больше напоминала мед-
вежью лапу:

— Дэн. Приятно познакомиться. Фор — надёжный па-
рень, тебе с ним повезло.

В самом дальнем углу просторного зала, куда почти не
проникал мягкий свет ландшафтных ламп, царило другое
измерение. Освещенные лишь холодным, неоновым сияни-
ем десятков мониторов, там сидели Томас и Джейк. Наши
«призрачные глаза», мастера чистого кода и цифровые архи-
текторы этого места.

Томас, парень Джесси, был настоящим воплощением аб-
солютного, почти олимпийского спокойствия. Глядя на него
— в его вечном безразмерном худи, с мягким взглядом из-
под растрепанной челки — невозможно было поверить, что
этот человек способен за пару минут обрушить банковскую
систему средней европейской страны или вскрыть защищен-
ные серверы Пентагона. В реальной жизни, за пределами
Сети, он оставался удивительно тихим, вежливым и даже
немного застенчивым парнем. Его пальцы, казалось, жили
собственной жизнью, с едва слышным шелестом порхая по

кастомной механической клавиатуре. Заметив нас, Томас лишь слегка приподнял ладонь в знак приветствия, не отрывая взгляда от бесконечных, бегущих вверх потоков данных:

— Привет, Ребекка, — негромко, но тепло отозвался он, и на его лице промелькнула мимолетная дружелюбная улыбка. — Рад, что ты наконец-то приехала. Устраивайся.

Совсем рядом с ним, буквально растворяясь в густой тени серверных стоек, сидел Джейк. Если Томас был просто скрытным, то Джейк возвел это в абсолют — настоящий человек-невидимка. Было ощущение, что он искренне тяготится своей физической оболочкой и с радостью променял бы общение с живыми людьми на бесконечный диалог со сложнейшими алгоритмами. Лицо Джейка, бледное от вечной ночной работы, оставалось совершенно бесстрастным, а в темных глазах отражались ровные зеленые строчки программного кода. Он коротко, почти незаметно кивнул Ребекке, так и не подняв взгляда от терминала. Наш самый молодой, пугающе гениальный и молчаливый «Призрак». Человек, который в реальном бою мгновенно превращался в безжалостную, расчетливую тень, стирающую врагов из баз данных и отключающую им зрение и слух, а здесь, в обычной жизни, оставался жутко скромным, замкнутым парнем, который, кажется, мечтал стать частью самой системы.

Но стоило парням замолчать, а тишину зала снова нарушил лишь мерный гул охлаждения серверов, как со стороны кухни, словно внезапный теплый вихрь, вылетела Джес-

си. Она была абсолютной, ошеломляющей противоположностью всей этой мрачной «призрачной» эстетике, холодным экранам и брутальному металлу. На первый взгляд — само очарование: мягкая, хрупкая, с копной непослушных волос, одетая в огромный, явно на пару размеров больший, уютный вязаный свитер, рукава которого она постоянно забавно подтягивала. Но каждый из нас знал: внутри этой девчонки скрывался титановый стержень, который в критический момент оказывался крепче, чем у меня, Ричи или даже Дэна. Джесси была бьющимся сердцем и душой нашего отряда — той самой нитью, которая связывала нас с реальностью и каждый день напоминала, что мы всё ещё люди, а не просто бездушные машины для выполнения задач.

Джесси мгновенно, едва не сбивая с ног своей энергетикой, подлетела к застывшей от обилия впечатлений Ребекке. Её лицо буквально сияло от неподдельного, детского восторга, а в глазах плясали искры.

— О боже, ты в жизни ещё красивее, чем на экране! Просто невероятно! Привет! Я Джесси! — затараторила она на одном дыхании, обрушивая на гостью лавину искреннего дружелюбия.

Она аккуратно, но уверенно перехватила Ребекку за локоть — бережно, словно та была хрупкой фарфоровой статуэткой, которую нужно немедленно защитить от этого сурового мужского царства, и тут же увлекла за собой.

— Пойдём, скорее пойдём, я налью тебе вина! У нас тут

есть потрясающий домашний пирог, я только-только достала его из духовки. Ты, наверное, жутко устала с дороги, пока Фор вез тебя через эти дебри... — Джесси на секунду обернулась и шутливо, но строго пригрозила пальцем в сторону светящегося угла: — Томас! Ну-ка отложи свой ноутбук хотя бы на полчаса, прекрати гипнотизировать свои алгоритмы, мы же гостей принимаем! Прояви гостеприимство, в конце концов!

Томас в ответ лишь тихо хмыкнул, но послушно опустил крышку ноутбука, признавая безоговорочную капитуляцию перед этим ураганом заботы.

Ребекка медленно огляделась по сторонам, переводя взгляд с выключенного монитора Томаса на улыбающуюся Джесси, а затем на Дэна, который уже успел притащить для неё удобный стул. Я физически почувствовал, как спало напряжение в её теле, и её плечи наконец-то расслабились. Она ехала сюда в глубоком страхе, ожидая увидеть хладнокровных, безжалостных убийц, запертых в подземном бункере. А увидела обычных людей, которые, несмотря на весь кошмар, цинизм и тяжесть своей невидимой работы, всё ещё умели искренне шутить, искренне заботиться друг о друге и, черт возьми, даже печь домашние пироги.

Она приняла из рук Джесси бокал, сделала небольшой глоток и, покачив головой, тихо, но отчетливо спросила:

— Я просто... я не понимаю. Как вы, ребята, сталкиваясь каждый день с тем, чем занимаетесь, умудряетесь оставаться

такими лучезарными? Откуда в вас это?

Ричи, который до этого крутил в руках какую-то высокотехнологичную деталь, первым нарушил возникшую паузу. Он легко усмехнулся, но взгляд его на секунду стал непривычно серьезным:

— Ну, для нас это, считай, обычная работа. Мы с самого детства, можно сказать, не знаем другой жизни — без вечного адреналина, кодов и опасностей. К этому привыкаешь, как к погоде за окном.

— Ричи прав, — веско добавил Дэн, складывая свои огромные руки на груди. Его низкий бас прозвучал удивительно мягко. — Если постоянно тащить эту темноту в свою голову, долго не протянешь. Так что именно такие тихие вечера, этот пирог, да и мы сами друг для друга — это то, что нас спасает. Без этого мы бы давно превратились в тех, на кого охотимся.

— Ты их не бойся, — шепнул я ей на ухо, когда Джесси увлекла её в сторону кухни. — Они выглядят как хаос, но если начнется заварушка, ты не найдешь никого надежнее.

Она посмотрела на меня, и в её глазах впервые промелькнула улыбка — искренняя, без тени той усталости, которую я видел в клубе.

— Похоже, у тебя действительно странная, но удивительная семья, Фор, — сказала Ребекка.

Ребекка посмотрела на меня, затем на ребят, которые уже вовсю суетились, и на её губах впервые за эти дни появилась

настоящая, тёплая улыбка. Маска суперзвезды окончательно исчезла. Здесь, среди опасных, но таких искренних людей, она впервые за долгое время почувствовала себя в полной безопасности.

Джесси практически силой утащила Ребекку на просторную кухню, откуда пахло потрясающей домашней выпечкой. Мы все двинулись за ними. Дэн по-хозяйски устроился на угловом диване, Томас тут же уткнулся в свой планшет, но не забывал мягко улыбаться, а Ричи принялся активно помогать Джесси расставлять бокалы.

Я сел чуть поодаль, внимательно наблюдая за Ребеккой. Моя способность считывать эмоции работала на полную мощность, но сейчас я чувствовал от неё не страх и не панику, а глубокое, искреннее удивление. Магия гламурного мира, в котором она привыкла жить, здесь не работала — здесь всё было настоящим.

Атмосфера на кухне окончательно перестала напоминать секретный штаб. Пирог, вино и этот странный, но искренний смех превратили суровую мужскую берлогу в место, где впервые за долгое время можно было просто выдохнуть.

— Ну расскажи, Фор правда такой невыносимый зануда, когда пытается ухаживать? — Ричи весело подмигнул Ребекке, ловко наливая ей вино в бокал, при этом не переставая жонглировать кухонным ножом. — На заданиях он из нас все соки выжимает, строит из себя идеального командира, который видит каждый сантиметр карты. А дома — сухарь

сухарем, да?

— Эй, я всё слышу, — отозвался я, невольно улыбаясь, хотя внутри меня разливалось редкое, почти забытое чувство тепла.

Мы ещё так друг друга не знаем хорошо. Вы, ребята, не дали нам пожить спокойно, — улыбаясь, сказала Ребекка.

— И по-моему, он очень милый, — неожиданно тихо произнесла Ребекка. Она посмотрела на меня, и в её взгляде проскользнула та самая нежность, от которой у меня внутри всё переворачивалось. — Он приготовил мне завтрак. И... он сдержал своё слово, всё рассказал.

— О-о-о, ну раз приготовил завтрак, тогда мы его прощаем! — затараторила Джесси, подвигая к ней тарелку с пирогом. Она тепло коснулась руки Ребекки, как бы проверяя, не пугает ли её всё это. — На самом деле, Ребекка, мы так рады за него. Фор никогда никого сюда не приводил. Он с детства привык тащить всё на своих плечах. Школа сделала нас сильными, но Фор... он всегда чувствовал себя в ответе за всех. Если что-то шло не так, он винил только себя. Видеть его сейчас... ну, таким — это как смотреть, как расцветает цветок в бетонных джунглях.

Дэн, до этого молча сидевший в тени, оторвался от своего телефона — на экране мелькали тепловизионные карты периметра — и серьёзно, почти отечески посмотрел на Ребекку. Его голос звучал как рокот далекого грома, спокойный и подавляющий любые сомнения:

— Мы рискуем жизнями каждый день, это правда. И то, что Фор открыл тебе нашу тайну — это огромный шаг, самый ответственный выбор в его карьере. Он не просто доверил тебе секрет — он доверил тебе свою жизнь. Ты теперь тоже часть этого, хочешь ты того или нет, и мы сделаем всё, чтобы тебя защитить. Если кто то хотя бы посмотрит в твою сторону — он узнает, что такое настоящий гнев «Призраков».

Ребекка всглотнула, чувствуя, как серьёзность его слов на мгновение перекрывает уютную атмосферу кухни. Рядом с этими людьми, несмотря на их смертельно опасную работу, веяло такой первобытной силой и надёжностью, какой она не видела ни в одном коллеге по съёмочной площадке. Здесь не было фальшивых улыбок — здесь была честная преданность.

В этот момент тишину нарушил Джейк. Он, всё ещё застенчиво прячущийся в тени у дверного проема, вдруг тихо кашлянул. Его лицо, обычно сосредоточенное на кодах и взломах, зарделось от смущения. Он подошел ближе, протягивая Ребекке запасную тарелку с горячей едой, словно предлагая мирный договор.

— Тут... ну, ты должна поесть, — буркнул он, тут же опуская глаза и делая шаг назад, пытаясь снова слиться со стеной.

Это было настолько контрастно с образом элитного хакера, способного отключить электросеть целого города, что Ребекка не выдержала. Она искренне, звонко рассмеялась —

звук был чистым и живым, как глоток свежего воздуха в герметичном бункере.

— Спасибо, Джейк, — мягко сказала она. — Мне кажется, я наконец-то нашла место, где меня не оценивают по количеству подписчиков.

Вечер обещал быть долгим и уютным. Барьеры окончательно рухнули.

Вечер пролетел незаметно. Время за весёлыми историями Ричи и болтовней Джесси тянулось уютно и тепло, и когда стрелка часов перевалила за полночь, ребята начали зевать.

— Так, молодёжь, пора и честь знать, — Дэн поднялся с дивана, потягиваясь всем своим огромным телом. — Завтра с утра тренировка, так что всем спать.

Томас и Джесси начали убирать со стола, а Ричи, хитро прищурившись, посмотрел на меня, а потом на Ребекку.

— Ну что, звёздочка, Фор отвезёт тебя домой или... останешься в нашем гостевом крыле? Ну, или не в гостевом, — хохотнул он, за что тут же получил от меня лёгкий, но многозначительный подзатыльник.

У нас вообще-то нет гостевого крыла, но ты же это и так знаешь, да, Ричи? — сказал я.

Ребекка слегка покраснела, но не смутилась. Она повернулась ко мне, взглянула своими выразительными глазами и тихо, но уверенно сказала:

— Я останусь. Если ты не против.

— Я только за, — ответил я, чувствуя, как внутри разли-

вається глухое торжество.

Я взял Ребекку за руку и увёл её на второй этаж. Моя спальня была святая святых, местом, куда за десять лет существования штаба не заходил никто, кроме меня.

Когда я открыл дверь, Ребекка замерла на пороге.

Комната была воплощением эстетики «Призраков»: минимализм, доведенный до абсолюта, и скрытая мощь технологий. Планировка была выполнена по последнему писку моды — строгие линии, матовые поверхности, скрытое диодное освещение, которое мягко подсвечивало границы мебели.

— Это... впечатляет, — прошептала она, обводя взглядом пространство.

Вы, ребята, неплохо зарабатываете.

Я улыбнулся: «Ну да, такая работа хорошо вознаграждается».

Большая кровать с графитовым покрытием стояла в центре, но всё остальное пространство напоминало декорации из фильма о будущем. По периметру стены были обшиты скрытыми панелями. Стоило мне провести ладонью по одной из них, как часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая глубокий стеллаж. Там, в идеальном порядке, лежало всё то, что составляло мою жизнь: от высокоточных приборов ночного видения и портативных терминалов связи до компактных наборов для взлома.

В углу, за массивным рабочим столом с тремя интегриро-

ванными мониторами, скрывались два бронированных сейфа. Один из них — оружейный — был слегка приоткрыт, и холодный металл пистолета, лежавшего на бархатной подложке, тускло поблескивал в свете ламп. Мониторы на столе транслировали текущие данные с камер слежения по всему периметру территории; я мог видеть каждый куст, каждый шаг любого живого существа в радиусе километра.

Ребекка подошла к столу. Она не отпрянула, увидев на экранах сводки тактических карт и графики отслеживания целей. Её пальцы коснулись края столешницы — поверхности, на которой я планировал самые опасные операции своей жизни.

— Ты живешь в командном центре, — заметила она, разглядывая пульт управления, встроенный прямо в прикроватную тумбу. — Это совсем не похоже на ту спальню, которая у тебя дома.

— Здесь я чувствую себя в безопасности, — ответил я, подходя к ней со спины. — Это единственное место, где я могу контролировать всё, что происходит вокруг.

А туда ты приводишь девушек, да?

Не-ет, это не то, что ты думаешь, растерялся я.

Она медленно обернулась. В её глазах, отражающих мерцающие экраны, больше не было того испуга, который я видел два дня назад. Напротив, в них промелькнуло понимание. Она увидела не просто «игрушки шпиона», а мой личный кокон, созданный, чтобы защищать этот мир от всего,

что могло его разрушить.

— Теперь я понимаю, почему ты такой, Фор, — тихо сказала она, коснувшись моей руки. — Это не комната. Это твоя крепость. И то, что ты пустил меня внутрь... это значит больше, чем любые слова.

Она подошла ближе к окну, за которым раскинулся ночной лес, и прильнула к стеклу. Внутри этой комнаты, окруженной высокотехнологичной смертью, она выглядела пугающе хрупкой, но я знал: Именно здесь, в самом сердце моей «крепости», я впервые за всю жизнь не чувствовал себя одиноким. Я подошёл сзади и мягко обнял её за талию, прижимая к себе. Ребекка расслабилась в моих руках, откинув голову мне на плечо.

— Знаешь... — тихо прошептала она. — Твой мир пугающий и опасный. Но твои люди... они потрясающие. Я никогда не видела такой преданности. С ними я чувствую, что ты в безопасности. И сама я впервые за долгое время никуда не спешу.

Я повернул её к себе лицом. В полумраке комнаты мои глаза снова начали едва заметно подсвечиваться синевой, отражая мои сильные эмоции. Я чувствовал её тепло, её любовь и полное доверие. Больше не нужно было ничего скрывать.

В приглушенном свете её лицо казалось почти неземным. Мы смотрели друг на друга — не как шпион и его цель, не как звезда и её поклонник, а как два человека, которые нако-

нец-то нашли убежище в мире, где всё остальное было враждебным.

Я поцеловал её, и это было не похоже ни на что, что я знал прежде. В этом поцелуе не было выученных движений или тактических приемов. Это был поток — искренний, до боли честный. Она ответила так, словно сама долго ждала этого момента, когда не нужно играть роль, когда можно просто быть собой, открытой и беззащитной.

Мы переместились к кровати, и каждый мой жест был пронизан страхом сделать ей больно, словно она была самым хрупким механизмом в мире. Моя комната, заполненная датчиками и оружием, вдруг стала самой безопасной точкой на планете. Когда наши тела наконец соединились, я почувствовал, как рушатся последние барьеры, которые Школа возводила вокруг меня годами.

Это была близость без слов. В темноте, под мерцание мониторов, мы узнавали друг друга не через разведданные, а через касания — через тепло кожи, через дыхание, через то, как она тянулась ко мне, пытаясь стереть ту грань, что отделяла меня от человеческого мира.

— Я защищу тебя, Ребекка. От всего мира, — пообещал я.

В эту ночь в секретном доме «Призраков» мы заснули вместе. И впервые за долгие годы мне не снились кошмары. Рядом со мной дышала девушка, ради которой я был готов перевернуть эту планету.

Глава 4 «Разные вселенные»

Утро ворвалось в комнату серой, прохладной дымкой, просачивающейся сквозь жалюзи. Я проснулся первым, как и всегда — привычка, которую не вытравить даже самой спокойной ночью. Ребекка спала, свернувшись калачиком, уткнувшись лицом в мое плечо. В этот момент она выглядела настолько обычной, настолько... домашней, что мысль о том, что через час ей придется вернуться в мир блесков и лжи, показалась мне актом насилия.

Я лежал неподвижно, боясь спугнуть этот покой, но телефон в кармане, оставленном на столе, коротко вибрировал, напоминая о входящих шифровках. Реальность безжалостно возвращалась.

Когда она открыла глаза, в них не было той привычной пелены усталости. Она посмотрела на меня и улыбнулась — так легко, что у меня перехватило дыхание.

— Доброе утро, — прошептала она, и в этом простом приветствии было больше тепла, чем во всей моей жизни до встречи с ней.

Мы не стали тратить время на долгие разговоры. Мы знали — время вышло.

Прощание произошло на крыльце, где утренний туман еще не успел рассеяться, цепляясь за верхушки елей. Машина ждала её в конце подъездной дорожки — черная, безликая, как напоминание о том, что её жизнь принадлежит не ей.

Мы стояли в обнимку, и я чувствовал, как сильно она вце-

пилась в мою куртку. Я не хотел её отпускать.

— Мне нужно идти, — её голос был едва слышным, пропитанным грустью. — Если я опоздаю, начнется скандал. Ты же знаешь, как это работает.

— Знаю, — ответил я, с трудом разжимая объятия. Я коснулся пальцами её щеки, запоминая её тепло. — Ребекка, слушай меня внимательно. Теперь у тебя есть я. Если почувствуешь хоть малейшую опасность, если хоть один человек покажется тебе странным — просто подай сигнал. Ты знаешь как.

Она кивнула, в её глазах на мгновение мелькнула решимость.

— Я буду ждать твоего звонка, — сказала она. — И, Фор... спасибо тебе. За эту ночь. За то, что я наконец-то почувствовала себя живой.

Она развернулась и пошла к машине. Я смотрел ей вслед, не двигаясь с места, пока задняя дверь авто не захлопнулась. Машина плавно тронулась, оставляя за собой лишь серый след на влажном асфальте.

Не успела её машина скрыться за поворотом Телефон завибрировал на рабочем столе — звонок от отца.

День, который должен был стать рутинной операцией, с самого утра отдавал металлом и тревогой. Короткий, сухой, не терпящий возражений: экстренный сбор.

— Есть наводка на перевалочный пункт Хазла в старом порту, — голос отца в трубке звучал как приговор. — Вы-

двигайтесь. Тихо, быстро, без свидетелей.

Мы работали по давно накатанной, доведенной до автоматизма схеме, где каждое движение было просчитано до секунды: проверка магазинов, подгонка разгрузочных жилетов, глухая настройка закрытых радиочастот и короткая, напряженная сверка тактических карт на планшете. Пока парни один за другим загружали тяжелые оружейные контейнеры в темное чрево транспортника, я на секунду замер в относительной тишине своей комнаты. Сердце почему-то стучало слишком громко. Пальцы на мгновение зависли над экраном телефона.

«Уезжаю на работу. Не волнуйся. Буду на связи, как только вернусь.

Отправил, не перечитывая, словно пытаюсь оставить эту мирную часть себя за порогом. Одно короткое нажатие — и сообщение улетело к Ребекке, которая сейчас, вероятно, была на съемках, под привычным светом ярких софитов, в полной безопасности. Я еще не знал, я даже близко не мог предположить, что эта её безопасность — лишь хрупкая, временная иллюзия.

Заброшенный порт встретил нас гниющим, соленым запахом застоявшейся морской воды, мазута и абсолютной, неестественной тишиной, от которой закладывало уши. Мы зашли на охраняемую территорию как настоящие призраки, бесшумно растворяясь в густых утренних тенях гигантских ржавых кранов и бесконечных штабелей морских контейне-

ров. Мы двигались единой цепью, контролируя каждый сектор. Но как только Дэн первым осторожно подошел к массивному, наполовину прогнившему ангару, воздух вокруг нас внезапно стал тяжелым. Слишком тяжелым, словно перед мощным грозовым разрядом. Кожа на затылке мгновенно покрылась мурашками — инстинкты, вбитые годами тренировок, буквально орали о том, что мы только что шагнули в ловушку.

Это не была перестрелка. Это была бойня. Нас ждали. Кто-то слил наш маршрут, кто-то знал каждый наш шаг. Свинцовый дождь ударил по контейнерам, высекая искры из металла. Мы сгруппировались инстинктивно: Дэн и Джейк открыли подавляющий огонь по флангам, Томас вслепую попытался взломать систему охраны порта, чтобы обрушить на врагов их же освещение.

Я двигался, подчиняясь адреналину. Внутри меня всё работало на пределе. Я видел врагов до того, как они нажимали на спуск, слышал свист пуль за долю секунды до того, как они прошивали воздух.

И тут сработало оно — мое чутье. То самое измененное восприятие, ради которого меня годами ломали в стенах Школы. Вспышка. Тусклый, почти невидимый в утренней дымке блик оптики на самой верхушке портового крана, примерно в ста пятидесяти метрах от нашей позиции. Снайпер.

Мой взгляд за долю секунды скользнул по всему полю

боя, мгновенно просчитывая траектории, и намертво замер на Ричи. Он, абсолютно не подозревая об этой смертельной угрозе, буквально на секунду высунулся из-за надежного укрытия железного контейнера, чтобы перезарядить автомат. Движение, которое в обычных условиях заняло бы миг, сейчас казалось фатальным. Черный снайперский ствол на кране уже был наведен четко на его голову. Наводчик ловил перекрестием его висок.

Я не думал. В Школе Призраков нас до тошноты учили хладнокровно анализировать риски и взвешивать потери, но сейчас я действовал на чистых, первобытных инстинктах, которые оказались мощнее любого устава и любого приказа. Я просто рванул вперед.

В ту же секунду внутри словно шелкнул невидимый тумблер, и моя измененная кровь заставила организм работать на пределе возможностей. Мир вокруг мгновенно стал вязким, тягучим, как густой кисель. Оглушительные звуки выстрелов и взрывов внезапно превратились в глухие, утробные удары, доносящиеся словно из-под воды. Трассирующие пули противника летели мимо, оставляя в плотном воздухе едва заметные тепловые шлейфы; я уклонялся от них интуитивно, совершая микродвижения корпусом еще до того, как они физически вылетали из вражеских стволов.

Время растянулось до бесконечности, превращая секунды в минуты. В этой звенящей, замедленной реальности я отчетливо видел лицо Ричи — то, как медленно расширя-

лись его зрачки, и как в его глазах только-только начинал зарождаться удивленный, непонимающий взгляд. Мне оставалось совершить последний, финишный рывок, преодолевая сопротивление застывшего воздуха.

Я буквально перелетел разделяющее нас расстояние и на огромной скорости врезался в Ричи всем телом, ломая траекторию полета снайперской пули и намертво вбивая друга спиной в железную обшивку контейнера за мгновение до того, как над нашими головами с оглушительным звоном от-рикошетил свинец.

Хлопок.

Пуля снайпера с оглушительным, металлическим звоном ударила точно в то место, где еще долю секунды назад находилась голова Ричи. Рикошет высек сноп искр, но у меня уже не оставалось времени, чтобы по инерции уйти с линии огня. Враг успел скорректировать прицел.

Две крупнокалиберные пули с глухим, леденящим душу звуком вошли в мое тело, насквозь пробив правый бок.

Удар колоссальной силы буквально снес меня с ног и отшвырнул спиной на ржавый металл контейнера. Дикая, разрывающая боль мгновенно ударила по оголенным нервам так сильно, что на секунду весь мир вокруг просто погас, погрузившись в абсолютную темноту. Это было не просто рядовое ранение — это было физическое разрушение моего тела.

Моя измененная кровь и генетически модифицированный организм не могли мгновенно справиться с таким шо-

ком. Пульсация в венах в ту же секунду стала бешеной, за-
предельной; я физически, до тошноты чувствовал, как разо-
рванные ткани вокруг дыр судорожно, вслепую пытаются
стягиваться и срастаться прямо на ходу. Но повреждения бы-
ли слишком критическими — внутреннее кровотечение и
развороченный металлом бок брали верх над ускоренной ре-
генерацией.

— Фор! — крик Дэна прорвался сквозь шум в ушах.

Я лежал, глядя в ночное небо, и чувствовал, как теплая
кровь заливает бок. Враги наступали, их шаги становились
все ближе. Дэн и Ричи, превратившись в яростные тени, пре-
вратили это место в ад, чтобы вытащить меня. Они не стре-
ляли — они уничтожали всё, что двигалось.

Эвакуация была похожа на лихорадочный сон. Кровь,
крики, запах гари, тряска внутри вертолета. Моя регенера-
ция работала на пределе возможностей, выжигая остатки
сил. Я слышал голос отца по связи, слышал, как он орет на
диспетчеров, чтобы они готовили медблок, но всё это было
где-то далеко.

Единственное, что я сжимал в руке, когда мы коснулись
базы — это телефон с недописанным сообщением для Ре-
бекки. Я закрыл глаза, погружаясь в спасительную темноту,
надеясь только на одно: что она не почувствует того, что чув-
ствую я сейчас.

На базе царила тишина, нарушаемая лишь мерным пис-
ком медицинских мониторов. Я лежал на кушетке в медб-

локе, чувствуя себя так, словно меня пропустили через промышленную дробилку. Моя регенерация, хотя и была сверхчеловеческой, забирала почти все внутренние ресурсы организма — я был бледен, покрыт испариной, а раны, зашитые врачами, ныли при каждом вдохе.

Джесси сидела в углу, сжимая в руках планшет. Она была той, кто всё это время держал оборону «Призраков» в эфире, блокируя утечки и отслеживая наши сигналы. Но когда на секретный номер базы, который знала только Ребекка, поступил звонок, Джесси дрогнула.

Ребекка звонила бесконечно. Два дня тишины для неё, человека из мира, где новости распространяются быстрее света, превратились в пытку. Она звонила на личный телефон, на рабочий, в студию — везде глухо. В её голосе, когда она наконец дозвонилась до Джесси, было столько отчаяния, что та просто не выдержала. Она не имела права раскрывать местоположение, но и лгать женщине, которая ждала своего мужчину из ада, было выше её сил.

— Я пришлю машину, — только и сказала Джесси. — Только, пожалуйста, не задавай лишних вопросов, пока не приедешь.

Теперь, когда тяжелая гермодверь медблока со шипением разъехалась в стороны, на пороге стояла Ребекка. Она выглядела совсем не так, как на красных дорожках: растрепанная, в помятом пальто, без грамма косметики, с лицом, на котором застыл ужас.

Она сделала шаг в комнату, и её взгляд тут же приковался к полу. Там, возле раковины, лежали снятые бинты, пропитанные темной, неестественно густой кровью — следы моей недавней операции. Она перевела взгляд на меня, на мое лицо, изможденное до такой степени, что скулы казались острыми лезвиями.

Ребекка застыла. Её дыхание стало тяжелым и прерывистым, словно ей самой не хватало кислорода. Она не видела меня таким — слабым, почти разбитым, лишенным той ауры неуязвимости, которая всегда окружала «Призрака».

— Фор... — её голос сорвался на шепот. Она рванулась ко мне, едва не споткнувшись о край медицинского оборудования. — Что... что они с тобой сделали?

Она упала на колени рядом с кушеткой, её руки зависли над моим телом, боясь коснуться свежих швов. В её глазах отражалась вся та реальность, от которой я так пытался её оградить: пули не выбирают своих жертв, даже если эти жертвы обладают сверхсилой.

— Тише, — я попытался улыбнуться, но движение отозвалось острой болью в боку. — Я в порядке. Это просто царапины.

— Не смей мне врать! — вспыхнула она, и в её голосе, помимо страха, прорезался гнев — искренний, женский гнев на ситуацию, на судьбу, на мою работу. Она указала на окровавленные бинты. — Это не «просто царапины»! Я два дня не знала, жив ли ты!

Джесси, стоявшая в тени, тихо вышла из комнаты, оставляя нас одних. Она понимала: сейчас никакие протоколы не помогут.

Ребекка осторожно коснулась моей ладони. Её пальцы дрожали, но в этом касании было столько жизни, что боль в моих ранах начала отступать.

— Я знала, что твоя работа опасна, — едва слышно прошептала она, глядя мне прямо в глаза, в которых сейчас, в стерильном полумраке медблока, едва заметно пульсировал синий свет модифицированной крови. — Но я... я просто не была готова к тому, что увижу тебя таким. Полумертвым. Скажи мне, Фор... это вообще когда-нибудь закончится? Или ты всегда, до самого конца, будешь возвращаться домой в чужой и собственной крови?

Я молчал. Тяжелый ком застрял в горле. Я не мог и не имел права дать ей тех фальшивых обещаний, которые заведомо не мог выполнить. Мой мир не отпускал просто так.

Я попытался пошевелиться, преодолевая слабость, и потянулся к ней, желая обнять, спрятать от этого кошмара, но она резко, испуганно отшатнулась от меня, словно защищаясь от невидимого удара. Мое обостренное чутье тут же, как локатор, считало исходящие от её тела мощные, удушающие волны паники, глубокого отчаяния и... непреодолимого, ледяного страха. Она боялась. Боялась того, во что я её втянул.

— Я так не могу, Фор, — навзрыд всхлипнула она, отчаянно качая головой из стороны в сторону. В этом простом

женском движении было столько невыносимой, подлинной боли, что я ощутил её в груди гораздо острее и больше, чем сквозную физическую рану в своем боку. — Я честно думала, что справлюсь. Честное слово, Фор! Я искренне верила, что смогу принять этот твой безумный мир. Что смогу разделить с тобой этот страшный груз, как ты и просил перед уходом... Но я не справляюсь.

Она сделала паузу, пытаясь вдохнуть, но в груди у неё что-то сжалось — она почти задохнулась, словно воздух в стерильном медблоке был для неё отравлен.

— Но это слишком, — её голос перешел на сухой, надтреснутый шепот. — Каждый раз, когда твой телефон будет молчать, я буду представлять тебя вот таким. Лежащим на столе, в крови, среди этих проводов и датчиков. Это не жизнь, Фор. Это ожидание конца. И Это будет сводит меня с ума.

— Я понимаю тебя, звездочка, но Ричи мог погибнуть...

— А погиб бы ты! — резко перебила она.

— Посмотри на нас, Фор, — её голос стал пугающе тихим, лишенным прежнего всхлипа, теперь в нём звучал холодный аналитический ум, который обычно был свойственен мне, а не ей. Она сделала шаг назад, словно расстояние между нами было единственным способом сохранить рассудок.

— Мы из абсолютно разных вселенных. Понимаешь? Разных. Я — публичный человек. Моя жизнь принадлежит не мне, она принадлежит каждому, у кого есть доступ к интер-

нету. За мной по пятам ходят журналисты, папарацци, обезумевшие фанаты. Каждый мой шаг, каждый неверный взгляд — всё это под микроскопом обсуждают в прессе. А ты... — она обвела рукой стерильное, скрытое от всего мира помещение. — Ты — «Призрак». Тень, которую никто не должен видеть. Ты существуешь в пустоте, где не бывает свидетелей.

Она нервно усмехнулась, и этот звук больно ударил по моим нервам.

— Если кто-то из репортеров хоть раз зацепится за нас, они начнут копать. Ты же знаешь, как это работает. Они вскроют моё прошлое, мои контракты, мои связи. И что тогда? Твои враги, этот Хазл... — она произнесла его имя, и я вздрогнул, — они не дураки. Они моментально свяжут точки. Они узнают, что за моей «обычной» жизнью стоит самый опасный актив Школы.

Ребекка подошла к самой границе света, падающего от медицинского монитора, и её лицо наполовину утонуло в тени.

— Они придут за мной, Фор. Не ради меня, а чтобы достать тебя. Они будут использовать меня как рычаг, как мишень, как способ тебя сломать. Ты готов к этому? Ты готов видеть, как мою жизнь превращают в разменную монету в вашей войне? Или как они начнут угрожать моим близким, только потому, что я однажды встретила тебя в клубе?

Она замолчала, ожидая ответа, который был мне не нужен — я знал его лучше неё. Каждый её аргумент был логической истиной. Моя природа, моя работа и её публичность были

несовместимы, как огонь и лед. Попытка соединить их была не романтикой, а прямой угрозой её жизни.

— Ты дал мне возможность заглянуть за занавес, — закончила она, глядя мне прямо в глаза, и в её взгляде было столько боли, что я не мог отвернуться. — Но за этим занавесом нет места для любви, Фор. Там есть только выживание. А я... я просто хочу иметь возможность выйти из дома и не думать, что каждая встречная машина — это убийцы, присланные Хазлом.

Я замер. Она ударила в самую болезненную точку, озвучив то, чего я боялся больше всего. Я всегда знал, что подвергаю её опасности, но эгоистично надеялся, что смогу уберечь.

Я и правда был идиотом, когда думал, что смогу совместить этот мой мир с твоим.

— Я никогда не позволю им тронуть тебя, — твердо сказал я, стиснув зубы от боли в боку.

— Ты не можешь этого гарантировать! — Ребекка смахнула слезы, её взгляд стал жестким, полным взрослой, горькой боли. — Мне страшно, Фор. Мне до безумия страшно за тебя, страшно за себя, за свою жизнь. Я не смогу сниматься в кино, улыбаться в камеры и каждый день гадать, привезут ли тебя сегодня в мешке.

Повисла тяжелая, мертвая тишина. Только тихо пищали медицинские приборы. Я читал её эмоции, как открытую книгу, и понимал: решение уже принято. Она сломалась под тяжестью этой правды.

Я тяжело сглотнул, но нашел в себе силы кивнуть.

Слова дались мне с трудом, словно я проталкивал через горло куски битого стекла. Я знал, что любой другой ответ — любая мольба или попытка возразить — будет лишь эгоизмом, который в итоге приведет её к гибели. Если я действительно любил её, я должен был подарить ей единственное, что мог — свободу.

— Я принимаю твое решение. И полностью согласен с тобой, — тихо, но твердо произнес я. Ты не должна была видеть это все. Прости, что дал тебе ложную надежду на наше будущее.

Мой голос прозвучал чужим — плоским, лишенным эмоций, будто «Призрак» снова взял верх над человеком.

Ребекка замерла. На секунду мне показалось, что она хочет обернуться, что она ждет, что я передумаю, что я брошусь за ней, нарушая все правила и здравый смысл. Но она не обернулась. Она лишь коротко кивнула, словно подтверждая самой себе правильность этого страшного выбора, и быстро вышла из палаты.

Я бы и не упрасивал ее передумать, я понял, что у нас ничего не выйдет, что я слишком сложный человек, который не должен любить или просто еще не встретил такую.

Её шаги по металлическому полу звучали как финальные удары метронома. Тук-тук-тук. А потом — тишина коридора.

Я лежал, прислушиваясь к каждому звуку, который до-

носился извне, чувствуя себя объектом, который только что списали в утиль. Я слышал, как она спустилась по лестнице, как тяжело открылась массивная входная дверь, как холодный ночной воздух ворвался в стерильный уют базы. А через мгновение тишину ночи прорезал резкий, надрывный рев мотора её машины.

Звук удалялся, становясь всё тише и тише, пока окончательно не растворился в шуме леса. Она уехала. Уехала из моего мира, из моей жизни, забрав с собой ту единственную искру человечности, которая заставляла меня чувствовать себя чем-то большим, чем просто идеальным оружием.

Я остался лежать в тишине. В медблоке было холодно, но холод шел не от кондиционеров. Внутри меня рвалось что-то гораздо более глубокое и важное, чем порванные пулями ткани или поврежденные органы. Это была та самая «человечность», которую я так отчаянно пытался вырастить в себе, и которая теперь была вырвана с корнем.

Моя хваленая регенерация, способная в считанные часы затянуть рваную рану от крупнокалиберной пули, оказалась совершенно бессильна. Она могла восстановить мои мышцы, могла вернуть в норму мой пульс, могла очистить кровь от токсинов, но она не могла срастить ту пустоту, что образовалась в груди.

Я закрыл глаза, вслушиваясь в ритмичный писк аппаратуры жизнеобеспечения. Раньше этот звук раздражал меня, напоминая о слабости. Теперь он стал единственным, что под-

тверждало, что я всё ещё жив. Но с каждой секундой я всё острее понимал: это уже не имело никакого значения.

Но «Призраки» не дали мне уйти в это состояние полностью. Они знали: если «главный актив» отряда сломается сейчас, Хазл уничтожит нас всех.

Джесси была первой, кто пробился сквозь мой лёд. Она не пыталась вытащить из меня слова. Она просто приходила в медблок, ставила на стол тарелку с домашним печеньем — тем самым, которое мы ели в тот вечер — и садилась рядом, читая книгу. Её присутствие было мягким, как успокаивающий шум, и я постепенно перестал вздрагивать, когда она заходила.

— Тебе нужно вернуться, Фор, — тихо сказала она однажды, не отрываясь от страницы. — Не в бой. К себе. Мы все знаем, что ты потерял, но ты не имеешь права терять себя.

Ричи выбрал другой путь. Он перестал шутить — это было самым красноречивым доказательством того, насколько сильно он за меня переживал. Его вечно ехидная улыбка сменилась напряженным, почти болезненным сочувствием. Он заходил ко мне, садился на край кушетки и просто рассказывал о всякой ерунде: о новых модификациях систем, о глупостях, которые он натворил, о чем угодно, лишь бы заполнить звенящую тишину моей палаты.

— Знаешь, — сказал он как-то, глядя в окно на серый лес, — я бы отдал всё, чтобы увидеть тебя снова орущим на нас из-за нечищеного оружия. Это была бы лучшая музыка на

свете.

Джейк, наш застенчивый мастер кода, оказался самым проникательным. Он не произносил длинных речей. Вместо этого он молча начал оставлять на моем терминале файлы. Там не было досье на врагов. Там были записи наших вылазок, старые видео, где мы все — ещё молодые, ещё не такие ожесточенные — смеемся, празднуем успешные операции. Он словно напоминал мне: «Посмотри, ты не один. Ты часть целого». В его молчаливой поддержке было больше понимания, чем в любых словах.

Но последним пришел Дэн. Этот гигант, привыкший решать проблемы кулаками, вошел в палату, когда я уже мог сидеть. Он принес с собой запах оружейного масла и стал в глазах. Он не стал церемониться.

— Я видел таких, как ты, Фор, — его голос был глухим, как рык. — Тех, кто после удара судьбы превращается в тень. Ты думаешь, ты самый несчастный, потому что потерял женщину? Мы все здесь — люди, у которых отобрали право на обычную жизнь задолго до того, как мы научились бриться. Ты не «инструмент», ты наш командир. И если ты не соберешься, то ты не просто её потерял — ты позволил Хазлу выиграть в главной битве.

Дэн положил на стол мой золотой пистолет — тяжёлый, надежный, холодный.

— Она выбрала свою жизнь, Фор. Теперь выбери свою. Мы за тобой пойдем хоть в ад, но только если ты будешь

вести нас, а не волочиться позади.

Я посмотрел на пистолет, потом на них — Ричи, Джесси, Джейка, Дэна. Они стояли в дверях палаты, как братья и сестра, вытаскивающие меня из болота. В этот момент я впервые за долгое время почувствовал не боль, а что-то похожее на решимость.

Пока я физически восстанавливался, база гудела как встревоженный улей. Мои родители — руководство «Призраков» — лично выходили на связь по защищенному каналу. Моя команда сутками не вылезала из мой палаты, превратив её в оперативный штаб. Засада в порту ясно дала понять: Хазл знал, что мы придем. Кто-то нас сдал.

Парни были злы, но больше всех рвал и метал Ричи. Он чувствовал за собой вину, ведь пуля снайпера, предназначенная ему, досталась мне. Ричи почти не спал. Пока Томас шерстил цифровые базы и записи с камер, Джейк пошел другим путем — потянул за свои старые, не совсем законные связи на дне преступного мира.

На пятый день дверь моей палаты распахнулась. На пороге стоял Джейк. Под его глазами залегли глубокие тени, но во взгляде горел дикий, хищный азарт.

— Фор, поднимайся, если уже можешь сидеть, — с порога бросил он, кидая мне на кровать защищенный планшет.

Я поморщился, медленно садясь на койке. Бок еще тянуло глухой болью, но я был готов к работе.

— Что у тебя? — хрипло спросил я, активируя экран.

— Я связался с парой старых знакомых контрабандистов, — Джейк оперся руками о спинку стула, подавшись вперед. — Теми самыми ребятами, которые таскают нелегальное оружие и технику по черным коридорам. Они подтвердили: в порту нас ждали.

Я сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

— Но это еще не всё, — напряженно усмехнулся Ричи. — Эти люди шепнули, что Хазл ищет специфическое оборудование на черном рынке. Ему нужны компоненты для глушения спутниковых сигналов военного образца, причем огромной мощности.

— Зачем террористу глушить военные спутники? — нахмурился я, быстро просматривая схемы на планшете.

— Чтобы ослепить ПВО и скрыть перемещение чего-то колоссального. Чего-то вроде Арены, — серьезно ответил Дэн, неслышно войдя в палату.

При слове «Арена» по моей спине пробежал холодок. Я знал, о чем речь. Где-то в бескрайних пустошах пустыни находилась скрытая локация, где каждый год проводилось большое, кровавое шоу. Там Хазл и прочая теневая элита делали астрономические ставки на бойцов, которые дрались насмерть. Закрытые трансляции этих боев приносили миллиарды.

— Да, они планируют запустить Арену совсем скоро, — тяжело кивнул Дэн. — Глушилки нужны им, чтобы спрятать

её координаты от спутников. Но главная проблема в другом, Фор. У нас плохие новости с самого дна. Контрабандисты говорят, что предатель, который сдал нас в порту... это один из «Призраков». Кто-то из нас.

Я отложил планшет и поднял взгляд на свою команду. Мои люди смотрели на меня в гнетущей тишине. Боль от расставания с Ребеккой всё еще разрывала грудь, но сейчас к ней примешался ледяной ужас. Неужели враг всё это время спал с нами под одной крышей? Я — командир «Призраков», человек способный считывать малейшие оттенки чужих эмоций. Неужели я настолько ослеп, что не вижу предателя среди своих собственных ребят?

Я четко произнес: "Этого не может быть, никто из вас не мог предать нас".

— Мне нужно побыть одному, — наконец произнес я, нарушив тяжелую тишину. — Я должен обдумать всё это и заново пересмотреть все данные, чтобы понять, что нам делать дальше. Оставьте меня.

Ричи и Дэн хмуро переглянулись, но спорить не стали. Они молча вышли из палаты, плотно закрыв за собой бронированную дверь.

Оставшись в одиночестве, я первым делом потянулся к коммуникатору и набрал отца по защищенному каналу. Мне нужно было знать, что руководство думает о вероятном кро-те. Но разговор вышел коротким и странным. Отец говорил уклончиво, избегал конкретики и лишь сухо посовето-

вал мне «не делать поспешных выводов» и «сосредоточиться на лечении». От него я не услышал ничего полезного.

Отбросив телефон, я снова взял планшет. Если руководство молчит, я найду гниду сам. Я открыл логи последних операций и начал вчитываться в зашифрованные строки отчетов, пытаюсь найти хоть малейшую нестыковку.

Тихий щелчок электронного замка вырвал меня из мыслей. Дверь палаты бесшумно открылась.

Я не поднял глаз от экрана, решив, что это кто-то из ребят вернулся за документами. Но краем глаза уловил незнакомую фигуру. Это был врач в стандартной униформе, лицо которого практически полностью скрывала широкая медицинская маска.

Он сделал быстрый шаг к моей койке. В ту же секунду мое чутье взвыло сиреной — меня захлестнула острая, почти осязаемая волна чужой, холодной угрозы.

Я резко вскинул голову, пытаюсь дотянуться до пистолета под подушкой, но было слишком поздно. В глазах вспыхнуло, а затем обрушилась внезапная, абсолютная темнота, словно кто-то вырвал провода внутри моей головы. Мое тело мгновенно обмякло, и я провалился в черную, бездонную пустоту.

Глава 5. Предатель

Сознание возвращалось болезненно, мучительными рывками, словно кто-то пытался выдернуть меня из глубокого, вязкого омута за волосы. Первая мысль была не о боли — о

Ребекке. Жива ли она? Ушла ли она достаточно далеко?

Во рту стоял отчетливый металлический привкус — моя собственная кровь, скопившаяся на разбитых деснах. Руки, стянутые толстыми, холодными цепями, нестерпимо ныли. Металл врезался в запястья, удерживая меня в неестественно выгнутом положении на тяжелом стальном стуле.

Специфический запах сырости, ржавчины и меди — запах гнили и стали — ударил в нос. Это был не просто подвал. Это был запах ада, упакованного в бетонную коробку.

Я с трудом разлепил тяжелые, воспаленные веки. Резкий, неестественно яркий свет мощных софитов, расставленных по периметру зала, мгновенно резанул по глазам, выжигая сетчатку. Я попытался дернуться, инстинктивно ища опору, но цепи лишь глухо звякнули, намертво впиваясь в кожу.

Я не был один. Это была не просто камера для допросов, где ломают кости в тишине. Это была сцена.

Прямо передо мной, в паре метров, мигал красный огонек телевизионной камеры. Огромный объектив, похожий на глаз мертвого насекомого, бездушно фиксировал каждое моё движение. Вокруг, как призраки на съемочной площадке, суетились люди в тактической экипировке — техники с автоматами наперевес, проверяющие кабели, выставяющие свет, настраивающие микрофоны. Они работали четко, профессионально, с пугающим спокойствием.

А в центре этого безумия, в ореоле света, стоял он.

Хазл.

Он был одет с иголочки — безупречный костюм, который смотрелся здесь, среди бетонной пыли и крови, как издевательство. В руках он держал планшет, лениво просматривая какие-то графики, словно решал вопросы бизнеса, а не жизнь человека, прикованного перед ним.

— Ну вот, — его голос, мягкий и вкрадчивый, прорезал гул аппаратуры. Он даже не посмотрел на меня, продолжая изучать данные на экране. — А говорили, ты почти неуязвим. Почти — ключевое слово, не находишь?

Он медленно поднял голову. В его глазах не было ненависти, только холодное, математическое любопытство, как у энтомолога, который наконец-то поймал редкий экземпляр для своей коллекции. Он сделал шаг вперед, и свет софитов отразился в его начищенных туфлях.

Наконец-то я вижу тебя. А знаешь, я иначе тебя представлял. Ты всегда был той занозой, которой я никогда не видел. Хорошо тебя обучили, и как же хорошо ты владеешь своей силой! Я впечатлён.

— Мы в прямом эфире, Фор, — он указал рукой на камеру, и его губы тронула тонкая, хищная улыбка. — По всему миру, на закрытых частотах, люди, которым не терпится увидеть, как умирает легенда, сейчас прильнули к экранам. Ты ведь всегда был мастером спецэффектов, верно? Давай покажем им, из чего на самом деле сделан «Призрак». Я слышал, что если тебя раскроют, то ты проиграл. Так вот, сейчас все посмотрят на тебя, станешь звездой.

Я почувствовал, как внутри, где-то глубоко, начинает пульсировать ответная ярость. Моя кровь, почувствовав угрозу, начала гнать по венам обжигающий адреналин. Раны от пуль, полученные в порту, еще ныли, но я уже чувствовал, как регенерация начинает свой тягучий, болезненный процесс.

Он ошибся. Он приковал меня к стулу, но он не понял одного: пока я дышу, он уже проиграл.

— Начинаем, — скомандовал Хазл, и один из техников за камерой поднял руку, отсчитывая секунды до начала трансляции. — Улыбнись, Фор. Сейчас ты станешь звездой, о которой будут молчать.

— Мы в эфире. Везде, — тихо доложил один из техников за камерой. — Все спутники перехвачены. Каждое устройство в мире сейчас транслирует нас.

Хазл удовлетворенно кивнул и посмотрел прямо в объектив.

— Добро пожаловать, граждане мира, — голос Хазла, пропущенный через усилители, приобрел неестественный, демонический резонанс. Он эхом отразился от голых бетонных стен, превращаясь в приговор. — Сегодня — исторический день. Десятилетиями ваши правительства лгали вам, кормили сказками о безопасности и порядке. Они скрывали правду, пряча в тени своих цепных псов. Секретный отряд убийц, которых официально не существует. Их называют «Призраками». Те, кто вершит правосудие там, где закон

бессилен. И сегодня, здесь и сейчас, один из них наконец-то сорвал маску.

Он подошел ко мне вплотную. Я чувствовал запах его дорогого парфюма — приторно-сладкий, контрастирующий с вонью запекшейся крови на моей одежде. В его глазах, где раньше плясало холодное любопытство, теперь бушевало пламя истинной, выстраданной ненависти.

— Я так долго гонялся за тобой, Фор, — прошипел он, склонившись к моему уху так, чтобы микрофон не уловил этот шепот. — Я сжег целые кварталы, я уничтожил десятки моих лучших людей, только чтобы добраться до тебя. И всё ради чего? Чтобы увидеть, как ты ломаешься. Чтобы посмотреть в твои глаза лично. Ты так настойчиво мешал мне наслаждаться жизнью, что стал для меня чем-то вроде личного проклятия.

Хазл резко отстранился. Его рука — жесткая, как стальной капкан — грубо вцепилась в мои волосы. Он дернул голову назад, с такой силой, что в шейных позвонках хрустнуло, и я был вынужден запрокинуться, подставляя избитое лицо прямо под слепящий поток ламп.

Вспышки камер ударили по глазам, как удары хлыста. Мое лицо, превращенное в кровавое месиво, распухшее от ударов, транслировалось в прямом эфире в каждый дом на планете. В этот момент я был не человеком. Я был трофеем.

— Смотрите на него внимательно! — взревел Хазл, обращаясь к невидимой аудитории. Его голос перешел на крик,

полный триумфального яда. — Это их командир. Тот самый «Фор», который считает себя судьей этого мира!

Он с наслаждением растягивал слова, словно смакуя каждый слог.

— Но он не просто солдат, о нет. Вы ведь думали, что он человек? Ошибаетесь. Он — генетическая аномалия. Правительственный эксперимент, за который вы платили своими налогами! Мутант с измененной кровью, чьи раны заживают быстрее, чем у любого другого существа, чья реакция превосходит человеческие пределы. Монстр, созданный убивать по первому приказу своего хозяина. Посмотрите на вашего защитника, мир! Это не человек. Это оружие, которое однажды может быть направлено и против вас.

Он отпустил меня, и голова бессильно упала на грудь. В зале повисла давящая, почти физически осязаемая тишина. Хазл отошел на шаг, скрестив руки на груди, ожидая реакции. Он хотел унижить меня, хотел превратить «Призрака» в изгоя, в монстра, которого все будут бояться.

Я медленно поднял голову. Несмотря на боль, несмотря на то, что зрение плыло

Я смотрел на него исподлобья, сжимая челюсти до хруста. Моя тайна, всё, ради чего жила моя семья, рушилось в прямом эфире.

Но Хазл еще не закончил. Он поправил манжеты рубашки и повернулся к камере, сменив тон на издевательски сочувствующий.

— Но, как оказалось, даже у монстров есть слабости, — он усмехнулся, медленно поворачиваясь к объективу камеры. Его взгляд стал сфокусированным, прицельным, словно он смотрел не в стекло, а прямо в глаза человеку, сидящему по ту сторону экрана. — Не так ли, Фор?

Сердце, которое до этого билось в ритме выживания, пропустило удар. Хазл знал. Он знал всё.

— Уверен, сейчас у экранов сидит одна особа, — голос Хазла стал вкрадчивым, почти интимным, отчего по моей спине пробежал холод. — Человек, который узнал правду и сбежал от тебя, поджав хвост, потому что испугался за свою идеальную жизнь. И это правильно. Этот человек молодец, что ушел — ведь ты убийца.

Мое дыхание сбилось. Я рванулся вперед, цепи отозвались болезненным звоном, впиваясь в запястья до кости.

Дааа вот она ярость Фора --сказал Хазл.

— Заткнись, — прохрипел я, но мой голос утонул в гуле усилителей.

— Ты открыл свою душу, а в ответ получил лишь холодный отказ, — продолжил Хазл, не отрывая взгляда от камеры, игнорируя мои попытки вырваться. — Твоя «особая» гостя оказался умной девочкой, который не выдержал вида твоей истинной сущности. Что ж... Устраивайся поудобнее. Дорогуша Пусть весь мир — и твой бывший «мир» вместе с ним — посмотрит, как будет умирать твой брошенный пес.

Хазл отошел на пару шагов, разводя руками перед зрите-

лями.

— Но я не стану марать руки! Это было бы слишком скучно. Видите ли, дамы и господа, среди этих идеальных цепных псов нашелся тот, кто поумнел. Тот, кто понял, что за Ареной и свободой — будущее. Призрак, который любезно сдал нам своего командира.

Террорист бросил взгляд на массивные железные двери позади камеры.

Зал наполнился скрежетом металла — звук был таким пронзительным, что закладывало уши. Хазл, не отрывая от меня злорадного взгляда, широко раскинул руки, словно дирижер, готовящийся представить публике свой главный шедевр.

— Наш особый гость уже в здесь, — торжествующе объявил он, обращаясь прямо в линзу камеры. Его голос дрожал от возбуждения. — Тот, кто лучше всех знает твои слабости, Фор. Тот, кто прошел с тобой через каждый ад. И сегодня он лично пустит пулю своему бывшему командиру на глазах у миллиардов зрителей. Ждать осталось недолго!

Тяжелые железные заслоны у дальней стены с нечеловеческим визгом поползли вверх. В образовавшемся проеме, окутанном холодным светом технических ламп, появилась высокая, крепкая фигура. Человек был одет в форму «Призраков», до боли знакомую — ту самую, которую мы носили на заданиях. Черная тактическая маска, плотно прилегающая к лицу, не оставляла ни единого шанса разглядеть чер-

ты, но выправка и тяжелый, уверенный шаг выдавали в нем профессионала элитного уровня.

— Вот и он, — прошептал Хазл с каким-то болезненным, почти фанатичным предвкушением, не сводя глаз с приближающегося гостя. — Твой палач. Твой персональный кошмар.

Фигура медленно приближалась к центру зала. С каждым шагом я чувствовал, как воздух вокруг сгущается. От незнакомца исходил мощный, почти осязаемый выброс адреналина и скрытая, кипящая ярость, которая казалась мне до жути знакомой. Мое сердце, вопреки всему, пропустило удар: я попытался уловить в его движениях хоть что-то, что выдавало бы предателя. Джейк? Дэн? Ричи? Томас? Это точно не Джесси, фигура была мужская. Кто из них мог переступить черту?

Я напряг легкие, с трудом выдавливая слова через пересохшее, окровавленное горло.

— Эй! — крикнул я, и этот хриплый вызов эхом разлетелся под бетонным куполом. — Ты, трус! Сними маску! Слышишь? Ты ведь один из нас! Не прячься за тряпкой, как напуганный щенок! Покажи свое лицо, если у тебя хватит духу посмотреть мне в глаза перед тем, как нажать на спуск!

Палач остановился в пяти метрах от меня. Он не ответил. Лишь медленно поднял руку, досылая патрон в патронник пистолета. Металлический лязг затвора прозвучал в зале как финальный удар гонга.

Хазл, сияя, отошел в сторону, давая «гостю» чистое поле

для обзора. Камера подлетела ближе, крупным планом фиксируя пистолет, направленный мне прямо в грудь.

— Ну же, — подначил Хазл, потирая руки. — Весь мир ждет, когда легенда падет.

В этот момент палач сделал еще один шаг. Я вгляделся в его глаза сквозь прорези маски, пытаюсь разгадать, что там: ненависть, подчинение или, может быть, затаенная боль? И тут он сделал нечто странное: вместо того чтобы целиться, он на долю секунды опустил ствол вниз, в сторону Хазла, и в его глазах блеснуло что-то, чего я никак не ожидал увидеть — холодный, расчетливый блеск не убийцы, а союзника.

Фигура остановилась прямо передо мной. Секунда тишины — и тяжелый ботинок врезался мне прямо в грудь. Удар был мастерским, рассчитанным на то, чтобы опрокинуть меня вместе со стулом. Я с грохотом рухнул на бетон, не больно, но унизительно ударившись плечом.

Палач навис надо мной, загораживая свет софитов, что я почувствовал запах оружейного масла и привычного парфюма.

Он резко пригнулся, будто проверяя крепления моих цепей, и его холодное дыхание коснулось моего уха. Голос был едва уловимым шепотом, погребенным под гулом аппаратуры.

— Слышишь меня? — его голос был до боли знакомым. Ричи. Это был Ричи. — Замедли сердцебиение. Прямо сейчас. Мне придется выстрелить в тебя. Хазл должен решить,

что ты мертв, иначе мы оба не выйдем отсюда живыми.

Мозг отказывался верить. Ричи? Предатель, который пришел, чтобы добить меня? Нет. Я почувствовал едва уловимый нажим его пальцев на моё плечо — сигнал «своих», известный только нам. Он играет свою игру, самую опасную из всех, что мы когда-либо начинали.

— Убей меня уже! Ты трус, — выкрикнул я, вкладывая в голос всю ярость и отчаяние, на которые был способен. — Чего ты ждешь?! Сделай это!

Я кричал, чтобы убедить Хазла, но в то же время внутри меня начался процесс, которому меня учили в Школе лишь в теории — «Забыть». Я начал концентрироваться, отсекая боль, отсекая страх, приказывая своему телу замедлить внутренние часы. Сердце, бешено колотившееся в груди, начало терять ритм. Удар за ударом оно билось все реже, тяжелее, уходя в глубокий, почти анабиозный транс.

Ричи отстранился. Я видел, как в прорезях его маски блеснули глаза — напряженные, полные ледяной решимости. Он медленно поднял пистолет, целясь мне прямо в грудь. Хазл затаил дыхание. Миллиарды людей за экранами ждали финала.

Бах!

Оглушительный выстрел разорвал тишину зала. Пуля ударила куда-то в бок, обжигая кожу раскалённым металлом и разрывая ткань формы, но не задев жизненно важных артерий. Удар отбросил меня назад, цепи звякнули, но я уже был

там — в глубине своего сознания. Пульс стал редким, едва уловимым, почти неощутимым. Дыхание замерло, превратившись в едва заметную вибрацию диафрагмы. Я превратился в камень, в оболочку, лишенную жизни. Я чувствовал, как реальность вокруг меня тускнеет, как голос Хазла становится далеким эхом.

— Есть! — вскрикнул Хазл, бросаясь вперед. — Он мертв? Снимите это крупным планом!

Ричи стоял рядом, тяжело дыша, готовый к следующему ходу. Хазл был уверен в своей победе, он был опьянен триумфом.

В этот момент Ричи сделал вид, что проверяет мою пульсацию на шее. Его рука на мгновение задержалась у меня на груди, а затем он ловким, почти незаметным движением сунул что-то в мой нагрудный карман.

— Он мертв, — сухо бросил Ричи, поднимаясь во весь рост.

Хазл, стоявший в нескольких метрах, подошел ближе. Он посмотрел на мое безжизненное, обмякшее тело, на мои закрытые глаза, а затем перевел тяжелый взгляд на Ричи. Тот лишь молча кивнул в ответ, не меняясь в лице.

— Мертв? — картинно прошипел Хазл, драматично склоняясь над моим лицом так близко, что я почувствовал запах его дорогого парфюма вперемишку с табаком. — Нет, мне нужно убедиться в этом лично. А то эти «Призраки» больно живучие твари.

Хазл протянул руку, чтобы проверить пульс на моей сонной артерии. Я лежал, не дыша, чувствуя, как его ледяные пальцы касаются кожи. Сейчас решалось всё. Моя жизнь зависела от того, насколько глубоко я смог обмануть саму смерть.

Хазл замер на несколько долгих, бесконечных секунд. Его пальцы на моей шее так и не уловили ни единого, даже самого слабого колебания пульса. Он высокомерно хмыкнул, явно удовлетворенный собственной жестокостью и тем, как легко ему «удалось» завершить эту партию.

— Что ж, легенда о неуязвимом Форе закончилась здесь, — громко произнес он, обращаясь к камере. — Посмотрите, «Призраки». Вашего лидера больше нет. И теперь, когда я раскрыл правду о вашей сути, а ваш собственный брат пролил вашу кровь, вы никогда не сможете доверять друг другу. Вы раздавлены.

Он махнул рукой, давая сигнал техникам. — Трансляцию прекратить.

Красный огонек камеры погас, и в зале воцарилась давящая, почти физически ощутимая тишина.

— Уберите этот мусор, — бросил он, даже не глядя на меня, и небрежно, с подчеркнутым пренебрежением, пнул меня ботинком по бедру. — Сбросьте его в болото. Пусть гниет там, где его не найдут даже стервятники. И поторопитесь, у нас еще много работы.

Ричи подошел первым. Его руки, сжимавшие автомат, ед-

ва заметно дрожали — я чувствовал это напряжение, когда он подхватил меня под мышки. Двое охранников, наемники Хазла, подхватили меня за ноги. Они не церемонились: мои раны, не могли затягиваться, а вспыхивали адской болью от грубых рывков.

Меня потащили прочь из павильона. Я был вынужден сохранять полную, мертвую неподвижность, не давая ни единого повода заподозрить, что я всё ещё здесь. Каждая клетка моего организма кричала о необходимости регенерации, но я подавлял этот процесс, держа себя на грани между жизнью и небытием.

Когда меня бесцеремонно, словно мешок с костями, закинули в кузов старого, насквозь пропахшего бензином, ржавчиной и какой-то тухлой гнилью внедорожника, я с глухим, костным стуком ударился о холодный рифленый металл. Тряска на разбитых ухабах заброшенной лесной дороги превратилась в изощренную пытку. Машину швыряло из стороны в сторону, и каждая глубокая выбоина, каждый резкий толчок подвески заставляли мои едва схватившиеся раны с мясом расходиться вновь. Измененная кровь, толком не успевшая запустить регенерацию, горячей струей снова начинала сочиться сквозь разорванную ткань одежды, заливая дно кузова. Я стискивал зубы до крошева, удерживая сознание на самой грани и заставляя себя не издавать ни единого звука. Для всех я всё еще должен был оставаться мертвецом.

Наконец, машина остановилась с протяжным, металличе-

ским визгом старых тормозов. Двигатель заглушили, и вокруг воцарилась глухая, зловещая тишина. Воздух здесь, на самой окраине глухомани, был невыносимо тяжелым, удушливым, до краев насыщенным ядовитыми испарениями гниющей болотной растительности, прелой листвы и застойной, мертвой воды. Металлическая дверь кузова с грохотом откинулась. Меня грубо схватили за шиворот и ноги, бесцеремонно выволокли на сырой воздух и поволокли по земле.

Ботинки конвоиров глубоко чавкали в грязи. Меня тащили к самому краю мутной, зловонной топи, над которой ленивыми, рваными клочьями стелился низкий, неестественно холодный туман, скрывающий глубину болота.

— Кидайте его прямо здесь, — скомандовал Ричи, оборвав тишину.

Его голос звучал непривычно хрипло, как-то неестественно грубо, сорвано. В нем не было ни капли жалости — Ричи отыгрывал свою роль безжалостного предателя до самого конца, выверая каждую интонацию, чтобы ни один из стоявших рядом вооруженных охранников Хазла даже на секунду не усомнился в его абсолютной верности новому боссу.

Охранники, не проявляя ни капли уважения, просто разжали руки. Я полетел вниз, в густую, черную тину. Ричи рассчитал всё до миллиметра: он толкнул меня так, чтобы я приземлился на скрытую под водой корягу — надежное, твердое возвышение, которое держало голову над поверхностью, позволяя дышать, но скрывая меня от глаз в густой жиже.

Я ушел под воду, чувствуя, как холодная, вязкая вода обволакивает лицо. Ричи задержался на долю секунды дольше положенного — он прижал меня ногой, имитируя попытку утопить «труп», чтобы охранники увидели: работа выполнена.

— Надеюсь, крокодилы его не переварят, — хохотнул один из наемников, отряхивая перчатки.

Ричи бросил на воду последний, холодный, пустой взгляд — взгляд, который не выдал бы его, даже если бы их сканировали на детекторе лжи.

— Пошли, — буркнул он. — Мусора больше нет.

Я слышал, как удаляются их шаги, как захлопываются двери внедорожника и как рев мотора постепенно затихает в лесу. Только когда эхо стихло, я медленно, с трудом разлепил глаза. Вокруг была только черная вода, тишина и предчувствие мести, которое грело внутри меня.

Я подождал еще несколько минут, пока звук мотора окончательно не затих в ночной тишине. Только тогда я позволил себе первый глубокий вдох, едва не захлебнувшись грязной водой.

Выбравшись из черной жижи, я рухнул на влажный мох, жадно хватая ртом холодный ночной воздух. Каждое движение отдавалось в теле дикой вспышкой боли: регенерация работала, но ей требовались колоссальные ресурсы, а я был истощен до предела. Руки, покрытые слоем ила и запёкшейся крови, дрожали, когда я полез во внутренний карман курт-

ки, который был герметичным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.